

КНЯЖЕСТВО

"Родовые знаки Рюриковичей"

'Страна наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приидите и володейте нами...' Так объяснил летописец 'призвание' на Русь варяжских "скандинавских князей, поместив это событие в 862 год. С того времени и древний летописец, и современный историк ведут отсчет возникновения самостоятельного государства восточных славян. Если Вы бывали в Новгороде, некогда Великом, то в центре Кремля не могли не заметить помпезного памятника в честь тысячелетия образования России, пышно отмеченного в 1862 году, на следующий год после великой реформы – отмены крепостного права, реформы, приобщившей нашу Родину к цивилизованному миру.

Призыв к варягам не остался неуслышанным, на него откликнулись. Да и как было не откликнуться? Скандинавы давно проделывали в своих ладьях долгий и трудный путь по рекам Восточной Европы, добираясь до Византии, и прекрасно знали страну, куда их звали. Страна и вправду была велика и обильна. На севере водились белки, живое серебро средневековья, тревшее тело и радовавшее глаз, – соболь и норка. В степях Приднепровья произрастали всевозможные злаки, было много дичи. Рыба только что не прыгивала сама в руки удачливому рыболову.

Населена была Русь славянами, у которых складывались племенные образования, еще не настолько прочные, чтобы они могли овладеть большими территориями. У варягов же к IX веку имелся уже богатый опыт, политический и военный. Они захватывали земли, и не только на севере, но и на юге Европы, создавая новые государства.

На севере Руси, в Новгороде, столице "конфедерации племен", якобы в 862 году появились Рюрик с братьями и дружиной, облегчившей упрочение их власти. У того края, куда пришли варяги, была долгая этническая история. Начиная с V – VI веков он стал районом колонизации восточных славян, до них здесь, на севере, обитали финны и болты, а юг Восточно-Европейской равнины занимали ираноязычные племена скифов и сарматов, вытесненные отсюда во время великого переселения народов. Из всех предшественников славян лишь сарматы уже в эллинистическое время создали собственную государственность.

Формирование нового политического образования, которое иногда называют государством дружинного типа, было быстрым и стремительным. К концу X века сложилось огромное государство, занимавшее всю Восточную Европу и называвшееся летописцами Русью или Руськой землей, а в историко-юридической литературе XIX века получившее неточные наименования – Киевской (что игнорировало роль Новгорода) или Древней (что вводило в соблазн сравнения ее с Древней Грецией или Древним Римом) Русью.

Однако уже и в раннее время был известен тот политико-географический термин, который позднее стал господствующим, – Росия. Так называли новое государство в Византии, и по преимуществу церковные деятели. В списке православных епископий, составленном в Византии в 80 – 90-е годы X века, упомянута "Росна", а в XII веке – и митрополия " Росна" (R??ia). Так называли эту страну на печатях и некоторые русские князья XI века, например Всеволод Ярославич ("архонт всей Ресин"). Лица греческого происхождения (скажем, Феофания Музалон) или князья, связанные с византийской императорской фамилией брачными и родственными отношениями,

на своих печатях тоже помещали наименование страны – "Росна" (Поппе. С. 98 – 102; Ямин, 1970. Т. 1. С. 15 26 51' Wodoff. 11. Р. 143 – 145;Щапов. С. 25 – 27, 58 – 59).

Порядок в этом новом политическом образовании установился не сразу. Первый правовой кодекс – Правда Русская – появился лишь в 1016 году, причем он возник как побочный результат весьма ожесточенного столкновения новгородцев с очередной дружиной варягов, служивших далекому потомку Рюрика – сыну Владимира Святого, или Владимира Красное Солнышко, – Ярославу Мудрому.

Ранняя история этого государства поддается изучению с большим трудом. Лишь с введением христианства в 988 году, знаменовавшим решительный поворот в судьбах страны, началась его письменная история. Стали вести погодные записи, позднее сложившиеся в летописи. Вместе с грамотностью восточные славяне получили доступ к колоссальному фонду античной и средневековой культуры, к ее идеям и литературе, нормам права и морали, вытеснявшим языческие представления и верования и менявшим весь быт человека той эпохи. Христианизация, происходившая как

бы концентрическими кругами – от князя, его дружины к широкому слою населения, – протекала в течение долгого времени (Muller; Порре. 1968). Даже князья долго сохраняли языческие имена – Святослав и Владимир, Ярослав и Ярополк, Изяслав и Вышеслав. Христианскими именами, полученными при крещении, они в быту не пользовались.

О том, как происходило вокняжение не только основателя династии, но и его многочисленных наследников, сведений крайне мало. Древнейшие русские памятники – летописи лаконично повествуют о поставлении на княжение или провозглашении нового князя, т.е. о том, что в западной практике носило название инвеституры. Великий князь киевский "сажал на стол" своих наместников-князей, а те в свою очередь "садились" на этот "стол". О вокняжении самих киевских князей, например Владимира Мономаха, рассказывается в тех же терминах: он "селе на столе отца своего и дед своих" в 1113 году (ПЕРЛ. Т. 11. М., 1963. Стб. 276). Запомните это имя, потом оно будет часто употребляться в связи с княжескими регалиями.

Акт инвеституры (введения во власть) князей-вассалов, судя по миниатюрам XV – XVI веков, заключался в передаче вассалу меча. Как знак власти меч давно был известен и распространен и в византийской, и в европейской практике.

В католическом мире папе принадлежал меч духовный (*gladius spiritualis*), остальным представителям власти – временный материальный меч (*gladius temporalis materialis*). Становясь обладателем меча – символа войсковой и судебной власти, каждый государь превращался одновременно и в папского наместника (Haszewska .S. 121). Согласно "Романскому уставу" XI века, первым актом коронационной церемонии было вручение высшим представителем церковной иерархии меча. Таким образом, в католической традиции меч – символ короля-рыцаря, защитника веры, церкви и карающей справедливости – был первой инсигнией независимого суверенного правителя.

Аналогичной была символика меча и в византийской традиции. На тронных, или маестатных, печатях императоры часто изображались с мечом. Его как символ справедливости и защиты православия извлекали из ножен святые воины на византийских и русских печатях, иконах, на

русских миниатюрах XV - XVI веков. На последних меч присутствует в сценах вокняжения, например Юрия Долгорукого в Киеве, или поставления, например Всеволодом Ольговичем Святослава Ольговича в Новгород в 1136 году (Арциховский. 1944. С. 31 - 35).

Как же происходило вокняжение назначенного великим князем киевским местного князя? Так, в Новгороде князя, назначенные или с 1116 года приглашенные новгородцами, приносили городу присягу - роту, целовали крест, обещая защищать и праведно судить их (НИЛ. С. 43, 22, 55, 59). После обретения Новгородом собственной святыни - иконы Знамения Богородицы, защитницы города во время войны с суздальцами в 1216 году, князя целовали не крест, а эту икону (Янин. 1984; НПЛ. С. 70). Церемония происходила в храме св. Софии, рано ставшей символом города. Сопровождалось ли вокняжение какой-либо церемонией церковного возложения венца? Судя по молчанию летописцев на этот счет, нет. Однако о существовании (с VII века) обряда церковного венчания византийских императоров на Руси знали, и летописец неодобрительно заметил, что первому главе Латинской империи, возникшей в 1204 году на месте Византийской и просуществовавшей до 1261 года, "возложиша венец без патриарха" (НПЛ. С. 47).

В конце XIX века так представляли главную процедуру вокняжения: "...Избранного князя при въезде в стольный город встречали крестным ходом, и затем он направлялся в местный собор, где слушал молебствие во имя главной святыни соборного храма", затем он "садился на стол, как правило, "отчий", владыка благословлял его крестом... при этом были возлагаемы на него внешние отличия княжеского достоинства (кочь-мантия и клобук-шапка). Но этот обряд был лишь церковным благословением избранного князя... и нимало не совмещал в себе того глубокого значения, которое впоследствии сроднилось с чином венчания самодержцев на русское царство" (КС. Т. 1. С. 6). Картина в целом верна, хотя и гипотетична, поскольку никаких сведений о деталях вокняжения в летописи не сохранилось. Известно, что при въезде князя в Новгород его встречали "вси мужи (и) сътський и пояша с всею правдою и чьстью" (НПЛ. С. 43). Так описывает новгородская летопись встречу князя Ярослава в 1196 году. А

четверть века спустя, в 1222 году, когда в Новгород прибыл Всеволод Юрьевич, "и владыка, и вси мужи одарени бещисла" (НИЛ. С. 60). Можно думать, что в церемонии приема и посажения "на стол" нового князя и "мужи", и владыка играли заметную роль.

Как же выглядел этот самый "стол"? Конечно, не как трон, ведь Древняя Русь не знала такого предмета, не имелось и такого слова в русском языке. По монетам князя Владимира рубежа X-XI веков известно, что это было плоское стоповидное сиденье без спинки, собственно говоря, лавка на одного со стенками до полу в торцах. На сиденье лежали длинные подушки с овальными концами. Сотни подобных "столов" изображены на средневековых миниатюрах (Радзивилловской летописи, Лицевого летописного свода середины XVI века и других иллюстрированных рукописей). Художники прекрасно понимали назначение "стола". Низложение князя, в частности Судислава Владимировича в 1034 году, представлено как насильственное сталкивание его со "стола". Почти все "столы" выглядят одинаково. Есть единственное изображение индивидуального "стола". В лицевом житии Сергия Радонежского показан "стол" Семена Ивановича Гордого, московского князя в 1341 - 1353 годах, установленный на двух больших лебедях (Житие... Сергия Радонежского. Л. 59 об.; Арциховский. 1944. С. 194). Вероятно, в конце XVI века его "стол" еще существовал, и художнику довелось его видеть.

Знаки республиканской власти восстановить еще труднее, чем знаки княжеской власти. "Столу" по значимости соответствовала "степень", на которую "возводили" посадника в Новгороде и Пскове. Как она выглядела, точно сказать нельзя.

"Стол" - одна из древнейших княжеских регалий. Были и другие, в том числе "шапка", не совсем точно в XIX веке называвшаяся клобуком.

Русское средневековье в основном не знало короны. Ее функции выполняла княжеская шапка, которая была представлена уже на древнейших русских монетах, в Святославовом изборнике, на миниатюрах летописей и житий. Это головной убор сферической формы, мягкий, с меховой опушкой. Шапка была своеобразным индикатором социального положения и политической роли лица. На миниатюрах

она служила знаком отличия господина от его подданных, которые изображались либо простоволосыми, либо в шлемах. Княжеские шапки выделяют Святослава Ярославича в древнейшей русской книге – Святославовом изборнике 1073 года; Бориса, Глеба, Святополка, Владимира и Изяслава – в лицевом житии Бориса и Глеба; Дмитрия Михайловича Тверского, Василия Дмитриевича Владимирского и Московского, Юрия Дмитриевича Галицкого – в житии Сергия Радонежского. Иллюстраторы Лицевого свода даже в бою "не позволяли" князю надеть шлем. Княжеские шапки в батальных сценах выглядят несколько нелепо и резко контрастируют и с окружающими их шлемами, и с воинскими доспехами самих князей.

Иллюстраторы очень четко понимали значение шапки. В Радзивилловской летописи шапку подносят приглашаемому на "стол" князю. Низложенный и разбитый князь теряет шапку, она лежит просто на земле. В житии Бориса и Глеба убийцы первого из этих князей подносят шапку Святополку, напоминая о княжеском достоинстве убитого.

Юго-Западная Русь, в отличие от других регионов, знала и другие регалии, в частности корону. В Галицко-Вольнской Руси вслед за киевскими князьями – "самодержцами" явился собственный "самодержец всея Руси" Роман Галицкий (так он назван в летописи под 1201 годом), а его сын Даниил Романович Галицкий оказался единственным князем на Руси, который был коронован, получил свой титул от папы римского в 1254 году.

К сожалению, домонгольская Русь крайне скудна подлинными документальными памятниками. Поэтому трудно восстановить и историю титула русских князей. Достаточно сказать, что впервые называет себя князем Александр Невский в договоре, заключенном с готландским и немецким купечеством в 1259 году, трагическом в истории Новгорода году, когда туда явились монгольские баскаки с требованием уплаты дани. Пытаясь отстоять

свое достоинство в качестве главы государства, Александр Ярославич и ввел в текст договора свой титул – "князь". И русские, и зарубежные историки отмечали "безразличие" русских князей к вопросам титула-туры (А.В. Поппе, В. Водов, С.М. Каштанов), как, впрочем, и к вопросам венчания и священного помазания. Определяющим фактором для них была сама принадлежность к княжес-

кому роду (Wodoff. 1-IV). Однако князя Владимира, рано названного "царем", изображали в "венце".

В качестве государственной эмблемы в течение очень долгого времени рассматривались так называемые "родовые знаки Рюриковичей".

Нет, пожалуй, в истории Руси раннего средневековья более запутанной темы, чем эта. Странные, загадочные знаки которые обнаруживали на древнейших русских монетах, на разнообразных предметах быта, со времен Н.М. Карамзина считали родовыми знаками русских князей, восходивших к Рюрику. Эту мысль великого русского историка, многими формулировками которого мы пользуемся до сих пор, не отдавая себе отчета в том, что они восходят к современнику А.Н. Радищева и А.С. Пушкина, развивали его последователи (А.А. Кулик, М.А. Таубе и др.). Уточнения внес Б.А. Рыбаков, объявив загадочные знаки "знаками княжеской собственности", которые "от середины X века дожили до середины XII века. Они ставились на княжеских монетах, на печатях, скреплявших государственные документы, на перстнях, которыми запечатывали восковые печати. Отлитые из бронзы, носились на груди княжескими тиунами... на поясах дружинников, сопровождавших своего князя, на оружии... на слитках серебра, принадлежавших князю, на княжеских товарах, отправлявшихся за границу. Княжескими знаками метили свои орудия производства ремесленники-холопы, работавшие на княжеском дворе, - гончары, кирпичники, золото-кузнецы. Княжескими знаками был помечен весь живой и мертвым инвентарь княжеского хозяйства - кони, бортные ухаи, земля" (Рыбаков Б.А. 1940. С. 257; ср.: Молчанов. 1976 - 1, 2).

Эта точка зрения вполне соответствовала официальной советской теории о раннем развитии феодализма на Руси, теории, усовершенствованной Б.Д. Грековым в 13 изданиях его "Киевской Руси". К сожалению, теория оказалась неверной: лишь к XI - XII векам стал заметен процесс феодализации, начал складываться княжеский домен, появились первые боярские владения. Попытка подогнать развитие Руси под опережавшее его становление феодальных отношений в Центральной Европе и особенно в Западной, где оно происходило на базисе античной собственности, игнорирование своеобразия менталитета средневекового об-

щества, которому приписывался такой же интерес к собственности, какой характерен для капиталистического общества, умышленное замалчивание иных теорий, противоречащих той, которая была нужна, привели к длительному господству точки зрения Б.А. Рыбакова.

Однако его предшественники выдвинули массу других трактовок "знаков Рюриковичей" – от символа государственной власти, церковно-христианской, светско-воинской эмблемы до геральдическо-нумизматического знака, геометрического орнамента и монограммы. Прообразы искали у скандинавов и скифов, в Византии и в еще не существовавшей тогда Украине (Таубе. 1929. С. 118-119).

Печать Святослава Игоревича
(прорись по В. Л. Янину)

Обратимся же к "знакам Рюриковичей" на Руси. Впервые встречается такой знак на печати Святослава Игоревича, храброго воителя, освободившего Русь от хазарской зависимости и сложившего голову на обратном пути из похода в Болгарию. Его печать, найденная при раскопках древнейшей Десятинной церкви в Киеве, имела изображение грубого двузубца, направленного высоко вверх, с коротким отрогом книзу. В круговой надписи – удлинённый крест, заставляющий предполагать какую-то связь язычника (по летописям) Святослава с христианством. Печать его сына – знаменитого Владимира Красное Солнышко, Владимира Святого, "апостола среди князей" (так назвал его митрополит Илларион), прелюбодее и грешника, раскаявшегося и крестившегося после "испытания вер", – пока не найдено. Но на его монетах с надписями-декларациями "Владимир на столе", "Владимир, а се его злато", "Владимир на столе, а се его злато" помещался и "знак Рюриковичей" то на лицевой, то на оборотной стороне, который сменил изображение Иисуса Христа (Kampfner. 1993. S. 135). Русские монеты, созданные по образцу византийских золотых монет (солидов, номисм) и имевшие некоторое сходство со скандинавскими; облик усатого, как норвежс-

кие и немецкие короли, князя*; надпись-декларация (Verflernefortia. В. 1.Oslo, 1979. S. 168, 192, 193; Norges historia. Oslo, 1976. S. 43, 241, 271, 341, 364, 369, 397; Norge under Sverreactten. 1976. S. 130; Schramm.

*Кстати, такие же усы на лице Ярослава Мудрого на недавно найденной в Новгороде его печати (Новгород, 30 июня - 7 июля 1994. Ъ 27. 186).

1928) должны были закрепить принадлежность Руси к христианскому миру - ведь они появились после крещения Владимира и его женитьбы на византийской принцессе Анне. Кстати, синхронность начала русского чекана с введением христианства на Руси, равно как и в соседних странах - Дании, Норвегии, Швеции, Польше, Венгрии, уже подчеркивал Н.П. Вауэр (Вауэр. С. 301). На некоторых монетах Владимира изображали с нимбом (Ситникова, Спасени. С. 69-77; Кдмрfer. 1993. S. 135). Это, как и византийская корона с двусторонними подвесками и крест, вводило византийскую имперскую символику "в архаический дружинный мир славянизирующихся варягов" (Кдмрfer. S. 134; Свердлов М-В. С. 155-158), утверждало его самого в титуле царя, ведь в Византии, на которую ориентировался Владимир, нимб служил неременным признаком императорского достоинства (Стефани). Об этих же претензиях Владимира свидетельствует и то, его называли царем арабские авторы XI что века (Яхья Антиохийский и Абу-Шоджа Рудраверский) (Кезма. С. 393, 394), некоторые русские памятники (Рорре. 1984).

Серебренник
Владимира Святославича

"Родовой знак Рюриковичей" на монетах Владимира сходен с аналогичными на монетах английских королей от Бертрика (786 - 802) до Этельреда II (978 - 1016),

франкских Меровингов VI - VII вв., французских королей от Роберта I (996 - 1031) до Людовика VI (1108 - 1137), чешских от Болеслава I (935 - 967) до Олджиха (1012 - 1037), немецких кайзеров от Оттона I Великого (936 - 973) до Генриха III (1039 - 1056), польского Болеслава I (992 - 1025) (Oljancin . S. 1 - 17).

Употребление этого знака не ограничивалось только Западной и Центральной Европой. Он был известен и в Восточной Европе задолго до Владимира. Боспорские цари I - III вв., в особенности Савромат I, помещали их на своих монетах. В пределах Боспорского царства и южного Приднепровья находим этот знак на конском уборе, флягах, пряжках, плитках и саркофагах (Мещанинов, Артамонов М.И., Соломоник). В Крыму есть точно датированные предметы с таким знаком: крест из Херсонеса 491 года, кладбищенская плита из Керчи 436 - 437 годов (Рыбаков В.А. 1940. С. 234).

И вид, и место этого знака на монетах, конечно, различались. На английских и французских монетах он имел иную ориентацию - "вверх ногами". По преимуществу его располагали на обороте монет, но на французских монетах начиная с Генриха I (1031 - 1060) его переместили на лицевую сторону. Стиль изображения знака тоже варьировался. Крымские образцы прямоугольны, а в славянских древностях догосударственного периода VII - VIII веков знак (на подвесках, найденных у села Смела, на побережье Днепра южнее от Киева и в кладе на Мощинском Гордце на Верхней Волге) имел форму двузубца с загнутыми наружу концами и раздвоенным отрогом. На чешских денариях он дополнялся изображением креста.

При столкновении знака исследователи обратили внимание на сходство его с лигатурой (соединением) двух букв греческого алфавита: первой - альфы и последней - омеги. В христианской философии их сочетание имеет мистическое значение. В Откровении Иоанна Богослова устами Христа провозглашено: "Аз семь Альфа и Омега... начало и конец". Таким образом, "родовой знак Рюриковичей" представляет собой обычный символ христианства, такой же, как крест, но менее распространенный, хотя обоснованием его занимались многие христианские теологи и писатели I - III вв. (Клемент Александрийский, Тертуллиан, Амброзий). Между тем в Византии в период правления

императоров от Константина Великого (306 – 337) до Тиберия 11 (574 – 582) вместо этого знака на монетах употреблялся иной абстрактный символ Христа – христограмма (хризма): Х (Христос) – Т (Теус, Бог), что означает: Христос – Бог, альфа – омега. На монетах императоров от Маврикия 11 (582 – 602) до Юстиниана (685–695, 705–710), который был последним, чеканившим монеты с христограммой, она была помещена на обороте и дополнялась большим крестом.

Соединение альфы и омеги – символ крещения. Слово Иоанна Богослова, приведенные выше, непосредственно касаются обряда крещения. Естественно поэтому, что все новообращенные в христианство, будь то государи любого ранга или их подданные, ремесленники или иконописцы, стремились удостоверить свою принадлежность к христовой пастве этой монограммой. Знак ставили не только на иконах и фресках, изображавших Христа, обычно у его ног или на нимбе справа и слева от головы, но и на различных памятниках прикладного искусства. Если посмотреть, кому из государей принадлежали монеты с такой моно-

граммой, то выяснится, что все государи, имевшие их, были в числе первых, кто принимал крещение в той или иной стране. Теория Дм. Олянина о "знаках Рюриковичей" как христограмме – лигатуре альфы и омеги, изложенная выше, в советской и русской литературе не принята. М.П. Сотникова в новейшей монографии 1995 года ищет истоки этого знака в орнаменте рунических камней, имитирующем змей X–XI веков, которые сменили изображение корабля VIII–IX века и олицетворяли их. Сотникова задается вопросом, "не является ли наш двузубец обобщенным символом скандинавского судна?" В своих размышлениях она опирается на недоказанную теорию о том, будто название Россия, Рос происходит от древнеисландского глагола грести – роа (Ситникова. 1995. С. 240– 245; Мельникова, Петрухин, Бибиков). Против этого предположения говорит широкая распространенность двузубца на территории Восточной Европы, с одной стороны, вторичность знака в виде трезубца на монетах Владимира, сменивших изображение Христа, – с другой, позднейшая традиция употребления трезубца – с третьей, и весь контекст древнерусской культуры – с четвертой. Прислушаемся к мнению специалиста по древнерусской культуре: "Религиозно-историческое са-

моопределение Древней Руси осуществлялось в символах, восходивших или возводимых к Византии. ...Древнерусская христианская государственность, равно как и государственность православных южных славян, мыслилась как производное от Византии, как результат перемещения оттуда ценностей, силы и власти" (Плюханова. С. 24). В связи с этим понятен и украинский обычай на Крещение ставить "знак Рюриковичей" на дверях дома (Таубе. 1929. С. 132), и Широкое распространение его в качестве эмблемы Христа в христианской, в том числе русской, культуре позднейшего времени, вплоть до наших дней (Владышевская. С. 1230 -

1231). Подобному истолкованию данного знака, на наш взгляд, не противоречит сходство его графического облика с древнейшими индоевропейскими знаками, сохранившимися, в частности, в государственной символике Индии (Neubecker, Rentzmann. S. 358). Христианство активно вбирало в себя древнейшие традиции, чтобы, переплавив их, явить миру новое всеобъемлющее учение.

"Знаки Рюриковичей"
(схема по Л. В. Янину)

Итак, "родовой знак Рюриковичей" перестал быть загадкой, превратившись в один из символов крещения, распространенный в эпоху раннего христианства или в эпоху принятия христианства той или иной страной. Не исключение и Русь. Владимир, как и его современники или предшественники на тронах соседних государств, спешил объявить всем, что и его страна принадлежит к христианскому миру, что и он христианский, а не языческий правитель. А это в глазах тогдашнего общества было отнюдь немаловажным фактором. Недаром в житии Феодосия Печерс-

кого - древнейшем русском житии - князя, по образцу чешского жития св. Венцеслава, уже в XI веке известного на Руси, называются "благоверными и христороубцами" (Wodoff. 111).

Принятие христианства дало новое идеологическое обоснование княжеской власти, и Владимир поспешил им воспользоваться. То же сделал и Святополк Окаянный (княжил в 1015 - 1016, 1018 годах). На его монограмме левый зубец заменен крестом, над двузубцем еще один крест. Таким образом, здесь упорно "нагнетаются" детали, связанные с христианским культом, что должно было доказать приверженность Святополка христианству. Третьим, кто чеканил монеты с монограммой Христа, был Ярослав Владимирович. На их лицевой стороне - св. Георгий с непокрытой головой, копьем и щитом, с надписью "Святой Георгий" (по-гречески), четырьмя крестиками во внешнем круге, а на оборотной - монограмма в двух кругах, где написано "Ярославле сребро" и "амин" И изображение Георгия, и слово "амин" на обороте полностью соответствовали византийским печатям VII - XI веков (Ситникова, Спасский. С. 97). При этом в Откровении Иоанна Богослова слово "амин" один раз обозначало самого Христа (Oljancin. S. 7), но на монетах оно встречается крайне редко, за исключением немецких монет. Так, на лицевой стороне монет Генриха I (919 - 936) "зебра" жена церковь, а на обороте - крест рядом со словом "амин"; аналогично изображение на обороте монет Отгона III (983 - 1002). Это слово встречается и на обороте монет саксонского герцога Бернарда I (973 - ЮН) и Генриха Доброго, графа фон Штаде (976 - 1016) в формуле

"In Doltline nomini amen". Образцом для монет Ярослава Мудрого могли послужить монеты Отгона III, широко распространенные в кладах X - XI веков на Руси, в Польше и Венгрии, Чехии (Oljancin. S. 10; Потин (. 170).

На монетах Ярослава Мудрого (1014 - 1015) представлена архаическая форма альфы, которая находится внизу, а геометрически прямоугольная омега - наверху знака. Кружок наверху среднего ствола омеги олицетворяет самого Христа, по два кружка на боковых стволах омеги - евангелистов, три кружка на горизонтальной основе омеги - трех апостолов, свидетелей Преображения Господня на горе Фаворской.

Особая разновидность монет Ярослава Мудрого связана с наймом им варяжской дружины во время его конфликта с Владимиром в 1014 году. Это мелкие монеты с непрочеканенными надписями без слова "аминь", но с дополнительными христианскими символами - двумя крестами, представляющими альфу и омегу.

Чеканил их, по-видимому, варяжский же мастер (Ситникова, Спасский. С. 199 - 201). Производство таких монет продолжалось не более 25 - 30 лет на рубеже X-XI веков (Там же. С. 110). Они предназначались в основном для "репрезентативного" использования - в качестве пожалований во время торжественных церемоний, связанных с принятием христианства и женитьбой Владимира на сестре византийских императоров, возможно, с его же женитьбой на внучке Отгона Великого и с такими переломными событиями в истории Киева и Новгорода, как двукратный захват киевского "стола" Святополком, конфликт Владимира и Ярослава 1014 - 1015 годов, во время которого Ярославу пришлось прибегнуть к срочному найму варяжской дружины в Новгороде.

Главными получателями монет были варяги - гридь (кстати, само слово это скандинавского происхождения) (Thomsen. P. 128). Сребреники Владимира и Святополка быстро превратились в украшения (Ситникова, Спасский. С. 53), возможно, потому, что монеты использовались, подобно подвескам, как опознавательные знаки для администрации князя в крайне узком регионе - лишь в ближайшей зоне влияния Киева. В X - XI веках они играли ту же роль, что золотые при дворах Ивана Грозного и Бориса Годунова.

Наряду с представительскими функциями монеты выполняли и свое прямое предназначение - поступали в денежное обращение. Поэтому их находят и в Польском Поморье, и в районах Капища и Познани, и под Ростокком в герцогстве Мекленбург-Шверин, и в Норвегии, и в самых разных местах в Швеции, не говоря уже о Руси. Эти монеты распространялись как вестники нового христианского государства в Восточной Европе, свидетельствуя, что семья христианских государей пополнилась русскими.

Последние, однако, недолго сохраняли христорограту не только на монетах (чеканка которых была кратковременной), но и на печатях (таких было только две). Христор-

раммы нет даже на древнейшей печати Ярослава Владимировича. На лицевой стороне изображен св. Георгий с копьем, помещена греческая надпись, а на обороте – сам князь в шлеме. Русская надпись гласит: "Яр (о) сла (в) к/ня (зь) р?с/ск (ии)".

На лицевой стороне другой печати с рассматриваемой лигатурой христовграмма изображена в окружении надписи по-гречески: "Господи, помози рабу своему Димитрию", на оборотной – стоящий во весь рост св. Димитрий Солунский. Омега получила на среднем зубце вогнутую чашу, над которой между началом и концом надписи стоит крест; боковые стороны омеги имеют отроги внутрь буквы. Альфа, как всегда находящаяся на русских монетах и печатях внизу, превратилась также в вогнутую чашу. Печать принадлежала Изяславу Ярославичу, крестильное имя которого было Димитрий. В.Л. Янин относит эту печать ко времени возможного новгородского княжения Изяслава в 1052 – 1054 гг. (Ямин. 1970. Т. 1. No 3 С. 35, 36, 249).

Печать Изяслава Ярославича (прорись по В. Л. Янину)

Еще раньше была создана печать Изяслава Владимировича (ум, в 1001 г.). На обеих ее сторонах находилась христовграмма, прекрасно видимая на лицевой стороне в окружении букв "Изас(лав)ос" и почти не сохранившаяся на обороте. Христовграмма на левом от зрителя зубце дополнена кружком – символом Христа, на центральном, несколько сдвинутом влево, – крестом; альфа представлена как бы лежащей внутри омеги. В целом же конструкция повторяет схему христовграммы Владимира, отца Изяслава (Там же. в 2. С. 41).

Утверждение христианства, когда князьям уже не требовалось доказывать свою принадлежность к нему (впрочем, они долго сохраняли два имени – языческое и хрис-

тианское), с одной стороны, и упрочение княжеской власти - с другой, привели к исчезновению христорограммы ни их печатях. Место христорограммы - абстрактного символа Христа - прочно и уверенно занял святой покровитель князя, носящий с ним одно имя. Показательна эволюция печатей Изяслава Ярославича. На лицевой стороне - розетка (еще один символ христианства), а на обороте - либо поясное, либо в полный рост изображение Димитрия Солунского, да еще в короне с царскими регалиями или с копьем и щитом (Янин. 1970. Т. 1. Ъ 4 - 8). Позднее на княжеских печатях стали изображать святых покровителей самого князя и его отца.

Однако христорограммы были свойственны не только монетам и печатям князей. Они встречаются и на новгородских посадничьих печатях второй трети XII - первой трети XIII века (Молчание. 1974). По мере распространения христианства и утверждения крещения как обязательного акта христорограмма становилась доступной для самых различных новообращенных. Она появляется на перстнях самих князей, на серебряных слитках, на мечех X века, на медных литых бляхах из поясного набора, на арабских монетах - дирхемах (где она была процарапана поверх надписи), на боевых гириях, на матрицах для отливки колтов (городских женских височных украшений) (Рыбаков Б.А. 1940. С. 236 - 237, 239, 241, 253). Трудно утверждать, говорили ли воины или ремесленники, - одни отправляясь в поход, а другие - принимаясь за работу, весьма распространенную позднее фразу, произносимую при любых начинаниях, - "С нами Бог!" но христорограмму они изображали весьма старательно. Особенно усердствовали в этом строители. На кирпичях древнейшей русской церкви в Киеве - Десятинной X века помещен церковно-религиозный символ, соответствовавший кресту или христорограмме Константина Великого: X - 0 (Христос - (с)еос, Бог), п - ю (альфа - омега). Данные о различных формах христорограмм на кирпичях собрали

Б.А. Рыбаков и П.А. Раппопорт. Остается вслед за ними назвать все те сооружения, при строительстве которых использовались кирпичи с христорограммами. Это дворец князя Владимира в Киеве около Десятинной церкви, черниговский Спаса-Преображенский собор начала XI века, Михайловская церковь в Остерском Городце, построенная

Юрием Долгоруким в XII веке, Борисоглебская церковь в Смядыни около (Смоленска, белокаменная кладка Золотых ворот во Владимире 1164 года, пьедестал белокаменного кивория (навеса) в Боголюбове.

Не менее распространен "знак Рюриковичей" и на доньшках глиняных изделий - в Киеве, Каневе, Белгороде, Изяславле и Вышгороде. Скопление горшков и кирпичей в тех местах, где находились резиденции князей, Б.А. Рыбаков объясняет тем, что все эти изделия изготавливались княжескими мастерами. Есть и другие причины: церковные организации зачастую создавались князьями или находились под их патронатом, потому и строительство новых храмов велось вблизи княжеских резиденций.

К "знакам Рюриковичей" исследователи относили двузубцы, изображенные на так называемых дрогичинских пломбах. Они впервые были найдены у г. Дрогичина в начале 60-х годов прошлого века, теперь их находят и в Киеве, и в Рязани, и в Пскове, и в Новгороде. Это небрежно изготовленные маленькие кусочки свинца с неровными краями диаметром 10 - 12 мм, на обеих сторонах которых оттиснуты разнообразные знаки. Здесь и двузубцы самой разнообразной формы - прямоугольные, полукриволинейные и колоколообразные, с простыми или перечеркнутыми отрогами, в виде треугольников или свинячьего хвоста; и кресты (мальтийские, т.е. равноконечные, и процветшие четырехконечные, и помещенные в окружности); и знаки в виде личины; и многочисленные буквы, в прямом и зеркальном изображении. Уже полтора

века загадка пломб не раскрыта: им придавали значение то религиозных талисманов первых христиан, то знаков астрологии, медицины или церковных праздников, то таможенных знаков, византийских или германских торговых марок XVII века. Теперь ясно лишь одно - пломбы были известны на Руси в XII - XIII веках: отдельные знаки сходны со знаками на камне Золотых ворот во Владимире, на новгородской печати, найденной при раскопках в слое 1224 - 1228 годов. Некоторые новгородские пломбы могли служить актовыми печатями, т.е. скреплять различные документы. Кресты и "знаки Рюриковичей" в сочетании с другими знаками, обозначавшими владельцев или число товаров, могли служить "оберегами" того имущества, к которому прикреплялись (Янин. 1970. Т. 1; Молчанов. 1976

- 1, 2).

С радостью новообращенных русские князья, а вслед за ними и их дружинники и рядовое, в том числе ремесленное, население Русской земли объявляли о своей принадлежности к христианству. Князья утверждали свою власть в княжествах, просвещенных учением Христа, равных всем другим христианским государствам Европы. "Как монетный чекан, так и христианство, бесспорно, служили идеологическими орудиями утверждения молодых феодальных государств" (Ситникова, Спасский. С. 110). Победная поступь христианства, охватывавшего все более широкие массы населения, запечатлена в Христаграммах не только на кирпичачах впервые возводимых в Русской земле храмов, но и на подвесках и бляхах княжеской дружины и боевых тирях воинства, сражавшегося во имя нового Бога с язычниками-"поганьми".

Потеря "знаками Рюриковичей" их светского и родо-во-княжеского характера не только принесла новые доказательства позднего развития феодальной, в том числе и княжеской, собственности (это последнее весьма убедительно доказывают Я.Н. Шалав и В.Л. Ямин), но и заставила пересмотреть вопрос о степени зрелости государственной идеи. Вместе с тем она подтвердила факт прочности международных связей Руси с остальными странами Европы, еще раз продемонстрировала неразрывность духовного и политического развития Русской и других христианских земель Европы. В течение многих десятилетий сталинщины, отгораживаясь от всего мира советской идеологией, в частности идеями "советского патриотизма", мы упорно доказывали свое родство с остальными странами Европы, игнорируя многие его проявления, в том числе и достаточно очевидные, в частности широкое распространение христианского космополитизма, которым была пронизана вся жизнь новообращенной державы.

Русь проделывала тот же путь к христианству, который до нее прошли все остальные страны Европы или вместе с ней проходили Скандинавские страны. Русь использовала опыт раннего христианства всех соседних стран. Стоит отметить, однако, что у нее опыт использования Христаграммы занял всего-навсего три четверти столетия, тогда как в других странах он затянулся на столетия.

До представления о своей государственной особности

раннехристианские государственные образования еще не созрели. И если можно согласиться с мнением известных русских нумизматов М.П. Сотниковой и И.Г. Спасского о ранних русских монетах как о единственной форме государственного документа конца X – начала XI века (Ситникова, Спасский. С. 1 10), то не потому, что на монетах помещена христорограмма, а потому, что на них находится изображение "верховного правителя" или "небесного покровителя" князя, утверждающего свою независимость.

Львы и всадники эпохи раздробленности

Русь на протяжении XI – XII веков стремительно меняла свое лицо. Быстро формировались отдельные государственные образования со своими местными центрами. Набирал темп процесс феодализации, вместо одного или двух главных центров в каждом регионе возникало множество их. Смоленская, Черниговская и Волынская земли поставляли претендентов на Великое Киевское княжение. Рядом с ним выделились Турово-Пинское княжество, соседившее с Полоцким и Городенским княжествами. На северо-востоке образовались Владимирское и Суздальское, Переяславское и Московское, Галипоте и Белозерское княжества. Границы их кроились и перекраивались в бесконечных междоусобицах.

Пути развития государственности в разных регионах Русской земли начали расходиться. На юге по-прежнему процветало самодержавие; владими́ро-суздальские князья, Юрий Долгорукий и его потомки, ориентировались на пример Киева. На северо-западе постепенно формировалась боярская республика, наряду с наместниками великого князя киевского начинали действовать местные органы власти – институт посадников, избираемых свободным населением Новгорода.

Главы новых государственных образований искали символы и эмблемы, которые могли соответствовать их собственной роли – проводников небесного влияния на земные дела, людей, осененных благодатью Божьей. Им помогал в этом, с одной стороны, опыт соседей, где уже сложились государственные эмблемы, а с другой – сокровищница общехристианской культуры – Псалтырь. На Руси, как и в других странах Европы, мысль идеологов верховной власти обращалась к настольной книге средне-

вековья, которая для характеристики различных христианских добродетелей часто использовала образы животного мира. Особенно популярны были львы; они олицетворяли и силу, и добродетель, и праведность. В средневековых толкованиях на Евангелие лев отождествлялся с Христом, разорвавшим узы смерти. Льва считали символом евангелистов – то Матфея (который писал о царственном происхождении Христа), то Иоанна (поскольку в его Евангелии говорится о силе и мощи Христа), то Марка (в Евангелии которого голос вопиющего в пустыне сравнивается с устремленным рыком льва, пугающим фарисеев, саддукеев и мытарей). Именно поэтому в "Физиологе" – произведении II – III веков, проникшем на Русь в X – XI веках, лев символизирует Христа. Льва чаще всего использовали в качестве своих эмблем западноевропейские и северноевропейские государи. "Мода" на львов в качестве символов власти не обошла и Русь. Во всяком случае, можно говорить о внимании к ним в этом качестве в двух регионах – во Владимиро-Суздальской Руси и в Галицком княжестве. Тамошних самодержцев привлекал "лев, гордый и грозный... страшный и нестерпимый и едином рыканьем вся потрясающий" (Гильтебрандт. С. 259 – 260; Псалтырь. 7, 3, 9, 30; 16, 12; 21; 44).

Каждого, кто посещал Владимир и Суздаль и осматривал его храмы, должно было поразить изобилие львов в резном уборе соборов. На фасадах Успенского собора г. Владимира (1158 – 1160) находятся головы (маски) львов, в его интерьере у основания подпружных арок – парные фигуры лежащих львов. Такие же фигуры помещены и в интерьере церкви Покрова на Нерли (около 1165 года) и Дмитровского собора во Владимире (1194 – 1197). Бегущие львы и грифы вплетены в орнамент суздальских врат XIII века. Фасады владимирских соборов тоже изобилуют львами. Так, на барельефах Дмитровского собора

торжественно шествующие львы расположены у ног Соломона, по сторонам от него и около оконных проемов. Четвертью века позднее, в 1222–1225 годах, изображения львов украсили фасад Суздальского собора, в 1227 году – собора Архангела Михаила в Нижнем Новгороде, наконец, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (Вагнер. 1962. С. 255; 1966. С. 12, 21, 25, 36, 37; 50; 1975. С. 31, 72–73; Вороний. 1973. С. 40, 69, 72, 130, 282; Некрасов

А.И. 1924. С. 29). Этот последний храм был заложен Юрием Долгоруким в 1152 году и перестроен его внуком в 1230–1234 годах.

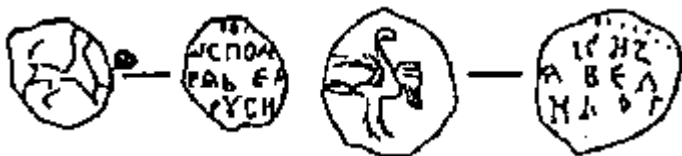
Св. Георгий (скульптура 1234 года в правление князя Святослава Всеволодовича) стоит лицом к зрителю с копьем в правой и щитом в левой руке. А на щите – снова лев, вытянувшийся кверху на задних лапах (Некрасов А.И. 1924. С. 39; 1928. С. 406; 1929. С. 144 – 147). Повтор этой композиции видим на миниатюре Федоровского Евангелия конца XIII – начала XIV веков. Его создание связывают с Федором Ростиславичем Черным, князем, побывавшим в различных княжествах – и в Ярославле, и в Смоленске. В Смоленске же в 1322 – 1327 годах княжеский мастер из Ярославля и нарисовал эту миниатюру (Некрасов А.И. 1929. С. 154).

Львы встречаются и в других композициях, главным героем которых был, в частности, Александр Македонский – средневековый идеал политического деятеля. Размах его завоеваний настолько захватил воображение народов, что появилось даже специальное сочинение – "Александрия", получившее большую известность как в странах католического мира, так и в православных странах. Не обошлись без Александра и строители Дмитровского собора во Владимире. На южном фасаде собора, обращенном к Нерли, высечено "Вознесение Александра Македонского". Его вздымают вверх два льва, за которых Александр держится поднятыми руками. В этой композиции львы заменяют знаки власти – буланы которыми художники обычно снабжали Александра (Вагнер. 1962. С. 259 – 260). Львы и "голуби" окружают и библейского царя Давида (Вороним. 1958. С. 149, илл. 66) – идеального государя Иудеи, по популярности в средневековье не уступавшего Александру Македонскому (Steger).

Двумя столетиями позднее похожий хищный зверь изобразился на монетах великих князей владимирских и московских рубежа XIV – XV и XV столетий. Однако этого зверя называли по-разному. В 1914 году на владимиро-суздальских храмах увидели леопарда (Соболевский. С. 60), на монетах XIV – XV веков, юрьевской скульптуре и федоровской миниатюре в 1973 и 1981 годах – барса (Федоров-Давыдов. С. 134; Вороним. 1973. С. 235 – 236; 1974. С. 310), а в 1924–1929 годах – льва (Некрасов А.

И. 1924. С. 39; 1928. С. 409; 1929. С. 144-147). Речь шла об одном и том же "хищно вздыбившемся" звере. Только в науке употреблялись различные обозначения. "Леопардом" или "леопардовым львом" именовался лев "с личиной, обращенною прямо к зрителю..." При этом считалось, что " нормальное положение льва есть восстающее, т.е. стоящее на задних лапах... Туловище льва всегда изображалось очень длинным и худым, особенно утонченным книзу". Однако "в древней геральдике подобных различий не существовало, так как и лев, и леопард изображают одно и то же животное, только в разных положениях" (Арсеньев. 1908. С. 170-172).

Этого льва-леопарда-барса, к которому владими́ро-суздальское искусство испытывало столь постоянное пристрастие, толковали по-разному. Его изображение считали то родовым знаком суздальско-ростовских князей (Соболевский. С. 60), то эмблемой владимирской княжеской династии, а использование изображения Федором Черным, не связанным с этой династией, трактовали как желание примкнуть к ней (Вороним. 1973. С. 235-236; 1974. С. 310). Считали его и зачатком герба (Арциховский. 1946. С. 55), и просто владимирским гербом, в XIV - XV века прокламировавшим далеко идущую внешнеполитическую программу "собирания" всех русских земель (Федоров-Давыдов. С. 133-134).

Пула "осподаря
всѣя Руси"
и "великого
князя" (прорисъ
по П. Г.
Гайдукову)

Более осторожно к трактовке этого животного подходил Н.П. Лихачев. "Эмблемы в смысле родовых знаков устанавливались и в Западной Европе постепенно, - писал он. - Очень затруднительно думать, чтобы у Рюриковичей XII в., хотя бы с Андрея Боголюбского, образовался родовой герб в виде изображения льва или леопард; и считался таковым в течение XIII в., исчезнув неизвестно куда... К теории о гербе Андрея Боголюбского и его (потомков мы должны отнести как к предположению... " (Лихачев. 1930. С. 269).

Его рекомендации, как видели, большинство исследователей не вняло, приводя все новые доводы в пользу своей

точки зрения. Так, на одной из миниатюр Радзивилловской летописи XV века к тексту о поражении Юрия Владимировича Долгорукого, которого его собственный брат Ярополк изгнал из Переславля-Залесского, приложена миниатюра со сценой въезда князя (судя по его шапке) возможно, Ярополка, с дружиной в город, представленный крепостной башней. Последний из всадников смотрит начал и бьет палицей льва, присевшего на задние лапы и поднявшего передние. Таким образом, войско Долгорукого заменено геральдическим символом – изображением льва (Арциховский. 1944. С. 33 – 34). Этот факт (равно как и изображения на монетах XV в.) ставит под сомнение утверждение Н.П. Лихачева об исчезновении "неизвестно куда" герба владими́ро-суздальских князей. В период иноземного ига развитие владими́ро-суздальской государственной символики прекратилось. Но традиции ее подспудно существовали, чтобы в XV – XVI веках дать толчок возрождению – уже на совершенно новой основе – этой эмблематики (ср.: Лавренев. 1994. С. 4).

Образ льва как олицетворения "властной силы" (Вагнер. 1962. С. 259 – 260) и в XII – XIII, и в XV – XVI столетиях соответствовал основным тенденциям развития государственности. Владимиро-суздальские князья-самовластцы – и сыновья Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский, Всеволод III Большое Гнездо, и его внуки Юрий Всеволодович и Святослав Всеволодович – пытались противостоять процессу феодального дробления, обрушившегося, подобно лавине, на политическую жизнь Руси. Их далекие наследники князья из рода Колиты приняли эстафету "собирания" осколков разбитой еще в домонгольское время Руси. Не случайно в титуле московских князей на первом месте стояло определение "владими́рский" и лишь за ним следовало – "московский".

Рассматривая символику льва во владими́ро-суздальском искусстве, нельзя обойти вниманием вопрос о возможных влияниях на создание его образа на Руси. Обычно подчеркивают западноевропейское влияние. Есть и другие параллели в средневековом православном искусстве, в частности Армении и Грузии. Можно проследить и восточные, и античные корни этого образа. Знаменита; "улыбка" владими́ро-суздальских львов восходит к восточному искусству доисламского времени, где прославлялись звери пустыни,

"широкопастные, большеротые, углы пасти у них, точно щели бревен, с оскаленными зубами (Вагнер. 1962. С. 256).

Изгнание Юрия Долгорукого из Переславля-Залесского. Миниатюра Раздвигловской летописи (прорись по А. В. Арциховскому)

Если же вернуться к тем произведениям, в катары. изображения львов носили ярко выраженный геральдический характер, то следует обратиться к теории о воздействии западно- и центральноевропейского искусства. Воздействие выражено не только в том, что львы помещены на щите в качестве эмблемы, но и в изображении владельца этого щита. Воин, стоящий с копьём, самым благородным оружием средневекового рыцаря (Лаппо-Данилевский С. 233; Seyler. 1894. S. 56), и придерживающий находящийся на земле щит, - любимая тема на многих польских чешских и других центральноевропейских печатях. Даже сама композиция, в пределах которой помещена геральдическая эмблема, заставляет думать о знакомстве владими́ро-суздальских мастеров и художников с общеевропейскими традициями трактовки льва. Дополнительно к приведенным выше аналогиям можно назвать еще шведские традиции. Тема парных фигур львов с характерной и для владими́ро-суздальских рельефов "улыбкой" - оскалом - встречается на оборотной стороне печати Эрика Кнутссона (1210 - 1216), правда, в отличие от русских львов Владимира и Суздаля, здесь у львов хвосты подняты над туловищем, а не пропущены под задней ногой (Fleetwood. Табл. 14).

Точно так же, как на барельефе Юрьева-Польского или миниатюре Федоровского Евангелия, в треугольном, сужающемся книзу щите размещена фигура льва на печатях правителя Шведского государства ярла Биргера и его жены Ингеборг, дочери короля Эрика Кнутссона (Hildebrand. Pl. 3. в 13; Pl. 2. .No 3 - 5). Показательны не только хронологическая синхронность использования этой эмблемы

как родового знака, но и некоторое стилистическое сходство львов на печатях шведских королей и в искусстве Владимиро-Суздальской Руси.

Много общего с владими́ро-суздальской "львиной" эмблематикой у галицко-волынской, правда, она несколько более поздняя, вернее, сохранилась в более поздних памятниках начала XIV века. Речь идет о печатях Андрея и Льва Юрьевичей и Болеслава-Юрия соответственно 1316 и 1316 - 1335 годов. И здесь представлен стоящий лицом к зрителю воин с копьем в правой и щитом, имеющим геральдический знак в виде льва, вдевай руке. Наибольшее сходство галицко-волынская композиция имеет с изображениями на печатях польских князей - Капрала Мазовецкого 1228 года, Пшемисла I и II Великопольских 1252 и 1292 гг. и, наконец, Вацлава Мазовецкого 1326 года. Сам же лев фигурой похож на итальянских (так называемых "капитолийских") и фландрских львов, в частности, изображенных на печати 1234 года Вильгельма Фландрского (Лаппо-Данилевский. С. 237). Имеется сходство льва с геральдическими шведскими и чешскими львами. Здесь поразительно совпадает и общий облик животного, и положение его хвоста, поднятого над спиной параллельно ей со взвивающимся вверх кончиком. В данном случае не приходится говорить о возможности непосредственных связей Галицко-Волынской Руси со Швецией (хотя сохранились весьма значительные материалы о галицко-волынско-датских отношениях, в особенности при короле Эрике Менведе, владевшем частью Прибалтики). Очевидно существование длительной традиции почитания льва в XIII веке (имя князя Льва Даниловича, создание города Львова). О галицко-волынских связях с давней скандинавской традицией можно лишь фантазировать, с полной определенностью можно говорить о чешском влиянии. Оно вполне соответствует общим связям этих культур. Традиция оформления чешского правового документа оказала сильное воздействие на галицко-волынскую дипломатику уже в XIV - XV веках.

Шведский герб 1250 г.

Итак, несомненно: в тех регионах Русской земли, где вплоть до середины XIII – XIV веков сохранялась крепкая власть или существовало стремление возродить единство региона либо края, князья прибегали к использованию образа льва как символа власти, силы, мужества, великодушия (Лаппо-Данилевский. С. 239). Думается, обращение к образу льва имело более серьезное значение, нежели использование его просто как "личного знака" владими́ро-суздальских и галицких князей (Соболева . 1981. С. 15).

"Судьба" львов из Южной и Северо-Восточной Руси сложилась по-разному. В Галицкой земле, которая в 1349 году вошла в состав Короны Польской, и на Волыни, ставшей составной частью Великого княжества Литовского, древняя эмблематика исчезла. В Северо-Восточной Руси, князья которой считали себя непосредственными преемниками владимирских, она возродилась в XVII веке. Однако и в XVI веке память об этом образе не умирала. Опричный дворец Ивана IV на Арбате в Москве украшало, в частности, изображение льва (Штаден. С. 91).

Эмблема Великого княжества Владимирского дожила в составе государственного герба до крушения Российской империи. Лев стал и эмблемой города Владимира (Винклер. 1900).

Еще более триумфальной оказалась судьба другой эмблемы, появившейся в эпоху раздробленности, – всадника (Вилинбахов. 1981 – 1; Молчание, Смирнова. 1983; Молчанов. 1987; Хорошкевич. 1989). Как и лев, эта эмблема была очень распространена по всей Европе. "Конь, – писал геральдист XVIII века, – есть знак войны, сражения, победы, храбрости, мужественного воина, полководца или власти над войском" (Амбодик. С. XLIII). По-видимому,

его представления соответствовали и средневековым. Начиная с XI века во всей Европе на печатях широко распространяется изображение всадника. Государи новых политических образований, возникших в период феодальной раздробленности, для оформления своей власти широко пользовались инсигниями власти – императорской и королевской. Императоры, как византийские, так и "римские", на печатях изображались сидящими на троне с регалиями в руках – державой и скипетром. Они были увенчаны коронами. Приблизилось к императорскому и изображение королей, только корона по своему типу отличалась от императорской (Haszewska. S. 121).

Государи более низкого ранга – графы, князья, пфальцграфы, ландграфы, ландсхерры, герцоги и пр. – тоже стремительно обзаводились собственными эмблемами (Spief*. S. 5). Повсеместное развитие ленной системы, превращение военной службы в неременную обязанность рыцаря сопровождалось оформлением ленных отношений и на печатях (Ganz). Всадник, как правило, изображался либо со значком, укрепленным на древке, либо со знаменем. Они-то и были знаками инвеституры, которой сопутствовало символистическое действие – вручение вассалу какого-либо предмета (копья или знамени).

"Конная печать" непосредственно сопровождала процесс феодального дробления. Она появлялась там и тогда, где и когда его результаты уже были заметны. В XII веке "конной печатью" пользовались герцог Адалберт Лотарингский (1037), маркграф Эрнст Австрийский (1056 – 1075), граф Балдуин Фландрский (1065) (Spie*. S. 14). Несколько позднее "конные печати" распространились в Центральной и Восточной Европе. Такая печать была у герцога Баварского в 1125 году (Seyler. 1888. S. 258 – 259. Taf 208), великопольского князя Мешко III в 1145 году (Gumowski. 1966. в 208; Mikucki, Gumowski, Haisins. S. 190), среднепоморского князя Богуслава I в 1170 и 1193 годах (Gumowski. 1966. в 304; Mikucki, Gumowski, Haisig. S. 206), у герцога австрийского Леопольда V в 1177 – 1194 годах, Оттокара IV истрийского с 1180 года (Kletler. S. 5), у чешского князя Пшемислава (1192 – 1193) (*arek. S. I O). Позднее, после образования Чешского королевства, всадник остался на оборотной стороне, где

изображался св. Вацлав, основатель и покровитель династии. Всадник представлял знак княжеского достоинства короля Чехии.

И в иных случаях, когда король помимо основного своего титула носил и титул – графа, герцога или другого главы небольшого политического образования, на королевских печатях тоже помещалось изображение всадника. Можно назвать печати королей Якова Арагонского 1226 года. Карла VII и Иоганна I Шведских, Капута I Датского (Spiefl. S. 7). Особенно отчетливо сочетание королевской и княжеской сторон обнаруживает себя на печатях английских королей. Тип этих печатей сложился при Вильгельме Завоевателе (1066 – 1087). На одной стороне коронованного, сидящего на троне с державой и скипетром государя круговая надпись называла королем "англов", со времен короля Иоанна I (1199 – 1216) – королем Англии, а на другой стороне, где помещен всадник, – "норманнским князем", с конца XII века – князем Нормандии, Аквитании и Анжу (Birch. P. 3, 10 – 11, 15 – 16, 19).

В XIII веке "конные печати" стали массовым явлением. Трудно назвать князя, который бы не владел такой печатью. Великопольские князья Одо Познаньский, а вслед за ним Владислав Одонич пользовались ею в 1161, 1209, 1212, 1213 годах (Mikucki, Gumowski, Haisig. S. 190; Gumowski. 1966. No 18. S. 24). Такие же печати были и у поморских князей – Богуслава II в 1214 году, Барнима Поморского и Святополка Гданьского в 1228 и 1236 – 1242 годах (Gumowski. 1966. No 18. S. 303 – 304; 1950), чешских князей Владислава Индриха в 1213 году, Владислава II в 1233 – 1239 годах (*arek. S. 19 – 20).

Печать Казимира I Опольского (1211-1236)

Различие византийской и западноевропейской традиций

в изображении всадника заключалось прежде всего в направлении его движения. Если на византийских, а соответственно и русских печатях всадник изображался движущимся вправо (со стороны зрителя), то в католическом европейском мире он, как правило, был представлен ведущим своего коня влево. Разумеется, дело не обошлось без исключений. В соседней с Русью Польше можно назвать печати нескольких государей с конем, движущимся вправо. Это печати и Одо Познаньского 1194 года, и Казимира I Опольского 1226 года, и Земовита Мазовецкого (1247 - 1262), Камрада Мазовецкого и Куявского 1218 и 1231 годов, Пшемисла I Познаньского 1247 и 1248 годов (Gumowski. 1966. в 209; Stronczynski. S. 13, 14, 38, 40, 86, 271). Правда, как показывают приведенные даты, почти все печати более позднего происхождения, нежели самая ранняя русская печать Мстислава Мстиславича.

На тех же самых печатях конник несет не прапор (знамя) или хоругвь, а поднятый правой рукой меч. Таково изображение на печати и Одо Познаньского, и Казимира I Опольского, и Земовита Мазовецкого, и Пшемисла I Познаньского. На последней из них, 1248 года, расположена весьма торжественная надпись: "S (igillum) Premislonis D(ei) gra(cia) ducis Polonie" ("Печать Пшемислава Божьей милостью князя Польши").

Принцип иерархического соответствия изображения всадника на печатях государей, занимавших место ниже не только императорского, но и королевского, в Северной, Западной и Центральной Европе периода феодальной раздробленности соблюдался строго. Пример тому - печати чешского государя, на которых иерархическая разница между положением чешского короля на различных территориях его страны выражена очень отчетливо.

Однако все вышеприведенные примеры касались тех стран, в которых господствовало католичество. Как же обстояло дело в Византийской империи и странах православного мира?

Поскольку в самой Византийской империи проблема оформления иерархического положения глав различных государственных образований практически почти не стояла, то и византийская сфрагистика не знала столь ярко выраженной дифференциации печатей, как императорских, так и

иных государей. Тип императорской печати – как правило, тронной (главу государства изображали сидящим на троне), с круговой надписью – противостоял печатям различных министералов, имевшим расположенную по строкам (строчную) надпись на обороте и изображение покровительствующего святого на лицевой стороне (Schlamberger. 1884).

Русские князья, следовавшие византийским образцам, хотя и не всегда (как мы видели на примере "знаков Рюриковичей"), в течение второй половины XI века пользовались печатями с изображением покровительствующих святых и греческими строчными благопожелательными надписями. Исключение составляли печати Изяслава Дмитрия Ярославича с круговыми надписями. На одной из печатей св. Димитрий изображен стоящим с копьём и щитом в императорской короне (Ямин. 1970. Т. 1. № 3 – 5. С. 14 – 42, 249 – 252).

В конце XI – начале XII века на княжеских буллах появилась русская строчная благопожелательная надпись: "Господи, помоги рабу своему..." Так, печати двух типов Владимира Мономаха (1113 – 1125) имеют соответственно греческие и русские надписи (Ямин. 1970. Т. 1. С. 67 – 75, 258 – 259, особенно в 25 и 97).

В XII – начале XIII века возобладала иная традиция – княжеские печати получили два изображения покровительствующих святых – владельца печати и его отца (Янин. 1970. Т. 1. С. 87 – 132). Ряд этих печатей открывали буллы сына Владимира Мономаха – Всеволода (Там же. в 138 – 139). Не случайно именно от этих двух князей, как считалось в "коронационной" литературе XVI – XVII веков, пошел обычай наделения князей регалиями, которые современники возводили к Византии. Хотя такие печати по рангу соответствовали печатям византийских министералов, в России XVI – XVII веков их расценивали иначе, рассматривая, по-видимому, изменение типа печати как следствие упрочения государственного суверенитета Руси. На княжеских печатях этого типа, "смысл изображения" на которых, по словам В.Л. Янина, "сводится к указанию христианского имени и отчества князя, утверждающего своей печатью акт", отчетливо звучит тема божественного освящения княжеской власти, с одной стороны, и преемственности власти от отца к сыну – с дру-

гой. Таким образом, завершился путь к суверенитету, который проделали русские князья – от архонтов (как их именовали по греческому образцу) Руси, вернее, России, до независимых князей, собственной волей передающих власть по наследству.

В начале XIII века произошла смена традиций в области оформления печатей – и императорских в Византии, и княжеских на Руси.

В 1204 году в результате четвертого крестового похода в Византии утвердились новые правители. Место Византийской империи заняла Латинская. Графы фландрские – Балдуин I (1204 – 1205), Генрих I д'Ангрэ (1206 – 1216), Балдуин II (1240 – 1261), став императорами Латинской империи, не отказались от своей старой печати, которой они пользовались на родине. Их новая тронная печать имела на обороте изображение всадника с мечом, такое же, как на их прежних фландрских печатях (Schlumberger. 1895. P. 91 – 92, 94 – 97; ср.: Chalon. P. 11). Подобно тому как в X – XI веках западные "римские" императоры широко использовали византийский опыт в оформлении своих печатей (сначала стоящую фигуру, затем, при Отто III в 997 г., трон с круговой надписью) (Ohnsorge. S. 288 – 299), так в XIII веке крестоносные завоеватели "познакомили" своих бывших наставников с опытом оформления печатей младших по чину государей – глав феодально раздробленных образований.

Византийский мир в целом не остался в стороне от этих новаций. Например, на оборотной стороне большой печати одного из Неманичей – Стефана Владислава (1234 – 1243), созданной около 1240 года, изображен всадник, скачущий вправо от зрителя; на лицевой стороне – тронное изображение государя в короне византийского образца с жезлом и державой (*remo*nik. S. 120 – 121).

Новая мода в оформлении печатей достигла и Руси. На смену печатям с образами святых, по выражению Р. Хайсига, образно-агиографическим (Mikucki, Gumowski, Haisig. S. 59), на которых святых обычно изображали пешими, пришли "конные печати". Покровительствующие святые на печатях Мстислава Мстиславича Удатного (Удалого), Всеволода Юрьевича и Александра Ярославича (в XV в. прозванного Храбрым, с конца XV в. – Невским) становятся всадниками. Однако, в отличие от западноевропейской

традиции, на русской печати помещался не "портрет" князя, а "портрет" покровительствующего ему святого.

Первым стал применять такие печати Мстислав Мстиславич Удатный, торопецкий, новгородский (1210 - 1215, 1216 - 1218) и галицкий князь. Печати времени его княжения в Новгороде имеют изображение св. Феодора с копьем в правой и щитом в левой руке - пешего на оборотной стороне и конного - на лицевой. В разных вариантах у всадника на копье то флажок и шестиконечный крест, то стяг на длинном древке, то развевающийся плащ или крыло (Янин. 1970. Т. 1. в 203 - 206). К сожалению, эти детали не помогают определению образца, которому мог следовать Мстислав Удатный. При всем своеобразии образа всадника на польских, немецких, английских и других печатях (всадник движется налево, изредка направо от зрителя, лошадь идет рысью или галопом, поводья натянуты или полуспущены и т.д.) неизменной остается одна деталь - стяг или флажок с горизонтальными полосками. Такая иконографическая деталь не помогает обнаружить образец.

Теоретически поиски следует направить либо в Польшу, с которой русские князья поддерживали тесные связи (дочь Ярослава Осмомысла стала до 1187 года женой познаньского князя Одо, Агафья Святославна Черниговская в 1209 году - женой мазовецкого князя Конрада, Всеволод Черный в 1178 году женился на дочери Казимира III), либо в Византию. Стоит подчеркнуть, что многие из выше-названных польских князей пользовались именно "конной печатью". Однако на печатях польских князей, за исключением Одо Познаньского, всадник изображен движущимся влево, тогда как на печати Мстислава Мстиславича всадник направлен в другую сторону.

Если считать направление движения определяющим признаком, то придется отказаться от сопоставления этой первой "конной печати" с польскими. Латинские императоры имели печати, где конник тоже движется направо, как и на печати Мстислава Мстиславича. Однако данных относительно связей Руси с этой империей, основанной на развалинах Византийской, настолько мало, что некоторые исследователи отрицали их наличие вообще.

Известно лишь, что до 1210 года в Новгород вернулся из Царьграда (Цесареграда) - Константинополя Добрыня Ядрейкович. Он принял постриг и по изгнании князем

Мстиславом новгородского владыки Митрофана был послан "в Русь", т.е. в Киев, ставиться на его место. Кандидатура Добрыни Ядрейковича не вызвала возражений, и этот наблюдательный очевидец крестоносного разгрома Византии стал новгородским епископом (НПЛ. С. 250; Путешествие... Антония). Именно он и мог бы принести в Новгород известия о новом типе оформления печатей в Константинополе. Мог бы. И мы могли бы быть в этом уверены, если бы иконографический тип печати фландрских графов и латинских императоров совпадал с типом изображения всадника на печати Мстислава Удатного. Однако этого нет. На печати фландрских графов всадник держит меч правой рукой, высоко подняв ее. На печати же князя Мстислава святой мученик вооружен лишь крестом и флажком.

Не дает полной аналогии и шведский тип печати: у королей Карла Сверкерссона (1164 - 1167) и Иоганна Сверкерссона (после 1216 г.) всадник с копьем наперевес движется вправо (Fleetwood. S. 11, 27). Трудно думать о балтском или литовско-западнорусском происхождении этой эмблемы (Молчание, Смирнова). Приходится констатировать, что поиски прообраза первой русской "конной печати" зашли в тупик. Изображение на ней наиболее сходно с иконографией печатей великопольских князей, но можно предполагать, что некоторую роль в том, что в XIII веке копье было заменено мечом, сыграл и пример Латинской империи. Добрыня писал: "У Лахерны во церковных палатах святой Федор Стратилат лежит, и щит и меч его ту же" (Путешествие... Антония. Стб. 40).

Однажды возникнув на русской почве, этот иконографический тип получил дальнейшее распространение. Всеволод Юрьевич, княживший в Новгороде в 1222 и 1224 годах, был внуком Всеволода III Большое Гнездо. Сохранились две его печати, у обеих на лицевой стороне изображен Димитрий Солунский в полный рост, вынимающий меч из ножен, а на оборотной стороне - св. Георгий, на одной печати пеший, а на другой - конный. Воинственная поза святого покровителя князя вполне соответствовала обстановке его княжения. Особенно обострились отношения князя с новгородцами, когда его отец Юрий Всеволодович активно вмешался во внутреннюю жизнь города (НПЛ. С. 69; Янин. 1970. Т.11. С. 126; ь 211, 212).

Еще более воинственный вид имеют всадники на печатях

Александра Невского. Здесь всадник уже не вынимает меч, но поднимает его правой рукой высоко над головой (ср.: Ямин. 1970. Т. 1. С. 37; Белецкий С. В. 1985 – 2. С. 237). Впрочем, князю Александру Невскому автор классическо-

го исследования о русских средневековых печатях В.Л. Ямин приписывает две серии печатей: первую, традиционную, где представлены стоящие фронтально его патрон и патрон отца – Ярослава Всеволодовича, и вторую, новую, на лицевой и на оборотной стороне которой изображен св. Федор Стратилат на коне в сцене "чуда о змии". Печати Александра Невского – первые, где появляется мотив борьбы со злом, которое, согласно Апокалипсису, и воплощал собой змей.

Печати Александра Невского
(прорись по В. Л. Ямину)

Среди печатей Александра Невского наибольший интерес представляет вторая серия. В ней пять разновидностей. Печать одной разновидности, с изображением коронованного всадника, по тонкости, четкости и детальности резьбы резко отличается от всех остальных и, несомненно, послужила образцом для них. В этом всаднике В.Л. Ямин увидел "условное, символическое изображение самого князя" (Ямин. 1970. Т. 11. С. 22 – 23). В русской сфрагистике это первый случай "портретной" печати. Ее появление вполне созвучно духу времени: в житии князя, написанном после его смерти на обратном пути из Каракорума – столицы Монгольской империи, странным образом сочетаются светские и церковные элементы. Составитель жития, по-видимому, считал деятельность князя как главы государства церковным подвигом, достойным увековечения и самой церковью (Philipp).

Помещая на печати собственный портрет, Александр Ярославич достигал сразу нескольких целей. Во-первых, он демонстрировал равенство своей власти с властью го-

сударей соседних стран (а это было крайне важно в условиях борьбы Новгорода за независимость как против Шведского королевства, так и против Ливонского ордена; это было важно и для развития международных отношений: хорошо известна попытка, правда неудачная, норвежского короля заключить брак его дочери с сыном Александра); во-вторых, он укреплял свою власть над новгородцами. Если его отец считал возможным заключение с новгородцами ряда, т.е. договора, то Александр настаивал на неограниченном самовластии. Многочисленные конфликты с новгородцами (в результате одного из них князь даже покинул Новгород в 1240 году - "роспревься с новгородци") (НИЛ. С. 78) характеризуют все его новгородское княжение. Особенно обострились отношения Александра с Новгородом, когда он стал великим князем киевским (в 1246 году умер Ярослав, и после поездки в Монголию в 1249 году Александр получил Великое княжение Киевское). Однако в условиях монгольского ига в 1255 году ему уже не удалось добиться своего. Князь должен был заключить договор "на всей воли новгородской". "Меньшие" (т.е. те горожане, которые не пользовались правом участия в высшем государственном органе) готовы были до смерти сражаться за сохранение своих прежних прав - "любо живот, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину" (НПЛ. С. 81; Тихомиров. 1955. С. 268; Янин. 1962. С. 146 - 147). Противодействие "меньших" через два года, когда в Новгород явился Александр и жестоко расправился с новгородцами ("овому носа урезаша, а иному очи выймаша"), обуславливалось их стремлением поддержать Василия Александровича, настаивавшего на открытой борьбе против монголов, которые требовали уплаты торговой пошлины - тамги и десятины, т.е. десятой части от всех доходов. Еще через два года уже безо всяких кар Александр добился требуемых монголами тамги и десятины.

Из подробного рассказа о деятельности Александра Невского можно было понять, какой смысл сам князь - заказчик печати вкладывал в изображение на ней. Ведь печать Александра - не просто печать одного из князей. Это печать человека, который стал родоначальником династии московских князей, человека, на которого они равнялись. Александр Невский - идеал московских князей, которым суждено было выступить объединителями Севе-

ро-Восточной Руси и вместе с тем угнетателями собственного народа. Самодержцы из числа последних Рюриковичей ориентировались на самовластцев киевской поры эпохи безвременья. Герб московских князей восходит к изображению на печати Александра Невского, и вместе с гербом передана была эстафета жестокости по отношению к собственным подданным.

Если Александр Ярославич на своих печатях идею суверенитета мог выразить достаточно откровенно, то его сыновья не располагали возможностями, какие были у отца. Дмитрий Александрович (1276 – 1281, 1283 – 1294) вынужден был пойти на уступки новгородцам. На его печатях преобладает сочетание святого всадника с Вседержителем, покровителем Новгорода (Янин. 1970. Т. 11. в. 384 – 389; Каштанов. 1974). Типологически такие печати приближаются к княжеско-городским печатям, олицетворяющим собою результат договора князя с горожанами. Примером подобного сочетания может служить печать короля Бонифация Ферратского (1204 – 1207): на лицевой стороне изображен всадник на лошади в галопе, а на обороте – образ города. Надписи удостоверяли принадлежность сторон печати королю и городу (Schlumberger. 1895. P. 56 – 58).

На печатях другого сына Александра Невского – Андрея Александровича (1281 – 1283, 1294 – 1304) в результате компромисса с новгородцами на одной серии печатей оказались изображения конного сокольника и Вседержителя, а на другой, которая сменила первую, – св. Андрея, покровителя князя, и конного сокольника (Янин. 1970. Т. 11. в. 390 – 395).

Эта тенденция использования княжеско-городских печатей вполне соответствует общеевропейской традиции. Городские гербы формировались, как правило, довольно поздно, а города принимали гербы своих сюзеренов (Renk-hoff. S. 56 – 80). В этом на примере Руси мы убедимся позже, ибо дальнейшие судьбы эмблемы с изображением всадника уже выходят за пределы эпохи феодальной раздробленности и будут рассмотрены ниже.

Итак, в период феодальной раздробленности сформировались две эмблемы, которым суждена была долгая жизнь. Обе рассмотрены выше. Возникли они как изображения на гербах или печатях, а стали впоследствии эмблемами Владимирского и Московского княжений. Обе эмблемы своим

происхождением обязаны прочным и тесным контактам Руси с европейскими странами, принадлежавшими католическому миру. Обе они в какой-то степени знаменовали разрыв с византийской традицией, обнаруживая принадлежность Руси ко всему европейскому миру.

Символы власти или подданства?

В эволюции русской государственности в середине XIII века наступил перерыв – монгола-татарское нашествие деформировало всю систему политических отношений, сложившихся в предшествующее время. Часть русских земель и городов перешла в состав Литовского княжества. Как говорили об этом дипломаты в 1563 году, "некоторыми невзгодами после Батыева пленения, как безбожный Батый многие грады русские попленил, а после того потому от государей наших русских и поотошли" (Сб. РИО. Т. 71. С. 270). Большая же часть Русской земли на два с лишком столетия оказалась под иноземным игом, под монгольскими ханами, получившими на Руси наименование царей. Царями называли и ордынских правителей, в частности Мамаю, когда он собрал под своей властью значительную часть находившейся в состоянии длительной междоусобицы Орды.

Монгольские цари осуществляли свою власть на Руси при помощи баскаков (тюрк.), "даруг" или "дорог" (от монг. "даругачи") – своих наместников, предводительствовавших вооруженными отрядами и неукоснительно следивших за подвластным населением, обложенным тяжелой данью в пользу ханов. Институт баскачества просуществовал в крупнейших русских городах вплоть до конца XIII – начала XIV века.

Русские же князья отныне уже не могли свободно наследовать собственные "столы" и распоряжаться ими. За получением ярлыка – ханской грамоты на право занятия престола – они должны были ездить в ставку монгольского хана. Пребывание там и борьба за власть в русских городах нередко завершались трагически. Мученической смертью погиб в ставке Батые черниговский князь Михаил Всеволодович, позднее причисленный к лику русских святых. В Каракоруме, столице Монгольской империи, кончил свои дни Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского. В XIV веке не вернулись из Орды три тверских, один рязанский и некоторые другие князья.

В XV веке место получения ханского ярлыка было перенесено: уже не князья ездили в столицу Золотой Орды – самого мощного образования, возникшего на развалинах Монгольской империи, но ордынские послы являлись в столицу Владимирского княжения, чтобы посадить князя – своего "холопа" на "стол". Приезд ханского посла сопровождался унижительной процедурой ведения его коня великим князем, что и должно было демонстрировать зависимость последнего от вольного царя (ПСРЛ. XII. М., 1965. С. 16).

Наряду с русскими печатями стали употреблять и печати ордынские, которые, вероятно, в отдельных случаях заменяли русские. Даже на полной грамоте Никиты Козлова на Ивана Павлова, которого первый купил себе "в полницу", 23 мая 1494 г. стояла печать дьяка с подписью уйгурскими буквами (Хорошкевич. 1974. С. 82 – 83; Автократова, Буганов. С. 138). А ведь это произошло уже через 14 лет после освобождения от ордынского ига в результате знаменитого стояния на Угре... Можно себе представить, что в период полного и неограниченного владычества ордынцев их "тамги" серьезно потеснили русские печати.

Ордынская тамга на полной грамоте 1494 г.

Изменилась и сама процедура "посаждения на стол". Исчезли мечи – символ силы и справедливого управления. Ордынские ханы вполне обходились без вручения этого воинственного знака власти. Процедура упростилась до минимума. Происходила она в церкви, роль которой в период ига несомненно выросла. Ханы сохранили за церковью все ее владения и права, создав в ее лице сильнейший проти-

вовес светской власти. Итак, обряд происходил в церкви, но в присутствии ханского посла. "Князь Василий Дмитриевич сяде на великом княжении володимерском на столе отца своего, и деда, и прадеда, а посажен царевым Тактамышевым послом Шиахматом", - повествует летописец о церемонии в Успенском соборе г. Владимира (ПЕРЛ. Т. XI, М., 1965. С. 120). Однако уже в 1432 году обряд состоялся в Москве. 5 октября 1432 г. ордынский посол царевич Мансырь-улан посадил Василия II "на великое княжение... у Пречистые у Золотых дверей" (ПЕРЛ. Т. V. Л., 1926. С. 264; Т. VI. СПб., 1853. С. 148, Т. 27. Л., 1962. С. 344; Т. ХН. М., 1965. С. 16; Юзефович. С. 98), т.е. у южных дверей Успенского собора, где находилась икона Владимирской Божьей Матери, так называемая "запасная" (Толстая. С. 109, 118; Маркими. С. 168 - 177), одна из тех копий, что были созданы в начале XV века. Перенесение места церемонии поставления из Владимира в Москву - свидетельство увеличения престижа московского князя, выигравшего в Орде долгую распря с дядей Юрием Дмитриевичем благодаря своему послу боярину И.Д. Всеволожскому.

В Лицевом летописном своде, созданном почти целое столетие или по крайней мере три четверти столетия спустя после освобождения Руси от ига, представления об иерархии ханов и русских князей очень четкие. Все ханы на миниатюрах этого свода носят пятизубчатые венцы. Это и Батый, и его сын Сартак, и даже правитель Мамай - в ту пору, когда всеми своими подданными он именовался "великим царем". Даже в житии Сергия Радонежского конца XVI века Мамай в сцене Куликовской битвы одет в такой венец, который выделяет его из остального татарского воинства, носившего шлемы. Миниатюриста при этом не остановило то обстоятельство, что он наделяет одинаковыми венцами и "поганина" Мамай, и библейского царя Давида, и православного византийского императора (Арциховский. 1944. С. 116, 118, 143).

Русские же князья в Лицевом своде неизменно изображались в княжеских шапках. Иерархия их и ордынских ханов передана очень точно с помощью головных уборов: князья в шапках стоят перед сидящими на "тронах" ханами в царских венцах. Миниатюрист XVI века сделал одно исключение: в рассказе о происхождении Александра Невско-

го, где Владимир Святославич назван царем, он и изображен в пятизубчатом венце (Арциховский. 1944. С. 130). И хотя "Слово о житии Дмитрия Ивановича, царя русьского" начала XV века и придает великому князю

владимирскому титул, который в это время носили только цари – ордынские ханы, тем не менее этот титул не нашел адекватного отражения в миниатюре. Также проигнорирована попытка причислить к царям тверского и владимирского князя Михаила Ярославича (1304 – 1317).

В сознании людей XVI века процессы политической консолидации русского общества, начавшееся объединение Северо-Восточной Руси идентифицировались с установлением новой иерархии в системе внутрикняжеских отношений. Если в Лаптевском и в первой части Толицынского томов Лицевого свода, охватывающих XIII – XIV века, в княжеских шапках представлены все князья, какой бы величины ни были их земли, – владимирские и московские, рязанские и ярославские, можайские и стародуские, дмитровские и новосильские, – то в более позднее время (во втором Остермановском томе Лицевого свода) таких шапок удостоены лишь великие князья – московские, тверские, рязанские, нижегородские и смоленские, иногда ярославские. Суздальско-нижегородские князья, правившие попарно, оба представлены в таких шапках, равно как и княжичи – наследники престолов в великих княжествах. Наряду с великим князем Дмитрием Донским чести носить княжескую шапку удостоены его двоюродный брат и соправитель Владимир Андреевич, будущий Храбрый и Донской. Во время княжения в Новгороде в 1470 году в княжеской шапке представлены Семен Ольгердович, равно как и его брат Владимир Ольгердович Киевский.

О внешнем виде такой шапки можно судить не только по миниатюрам XVI века, но и по "портретным" монетам Бориса Годунова 1600 – 1605 годов и монетам Федора Ивановича времени второго ополчения 1611 – 1613 годов (Мельникова. С. 71, 127).

Древнейшей из сохранившихся регалий является шапка Мономаха. Вероятно, она названа "шапкой золотой" в завещаниях Ивана Колиты (ДДГ. No 1. С. 8, 10). Это головной убор высотой 18,6 см, окружностью 61 см, верх которого состоит из 8 золотых пластин, покрытых тончайшим узором – сканью из спиралевидных завитков, шестиконечных розе-

ток-звезд и цветков лотоса. Низ шапки окаймлен широкой орнаментальной полосой-плетенкой. Верх напоминает по форме восточный головной убор. Это древнейшая часть шапки. К ней позднее были добавлены полусферическое навершие, гравированное и резное, завершающееся крестом с крупными жемчужинами на концах, драгоценные камни и жемчуг, разбросанные по всей поверхности венца, и опушка из соболя.

Загадка шапки Мономаха не разрешена до сих пор. Неясно, как очутилась она в казне владимирского и московского князя Ивана Колиты, первым из рода Юрия Долгорукого назвавшегося князем "вся Руси". Владимир Всеволодович Мономах (род, в 1053), которого "Сказание о князьях владимирских" второго десятилетия XVI века считает получателем регалий из Византии, княжил в Киеве в 1113 - 1125 годах - Его дед по матери, якобы и приславший регалии, Константин IX Мономах был византийским императором в 1042 - 1055 годах. Изобретено ли определение "мономахова" лишь в XVI веке (впервые с таким названием шапка упомянута в 1518 году) или действительно отец Владимира Мономаха князь Всеволод (Василий) Ярославич (ум, в 1093) получил какое-то приданое за своей женой - трудно сказать.

Археологи выдвинули еще одну версию. Шапка - произведение рук арабского (Спицын. 1906; 1909) или египетского мастера, работавшего при дворе египетского султана Эль-Мелик-Эн-Насир-ибн-Калауна (Филимонов. 1898) - в 1317 году была послана хану Узбеку, который, в свою очередь, подарил ее Ивану Калите.

В наши дни возникла и третья версия. Согласно ей, местом изготовления шапки была Орда или Крым (Крамаровский). При этом все три группы исследователей опираются на сходство цветка в узоре скани шапки с распространенным в арабском и египетском средневековом искусстве цветком лотоса. Таким образом, трудно быть уверенным в точности какой-либо из этих гипотез. Ясно лишь одно: шапка Мономаха - иностранного производства.

Входила ли в число княжеских регалий "кочь"-мантия, тоже трудно сказать. Колита, согласно завещаниям, передал "конь великий с бармами" не старшему сыну Семену (ему достался "кожух черленьи женчужный"), а среднему - Ивану. Нечто аналогичное получил и младший сын Колиты

Андрей - "скорлотное портище с бармами", вероятно, "наплечками", такой фасон одежды также упомянут: "бугаи соболий с наплечки с великимъ женчюгом с камнем" (ДДГ. Но 1, С. 8, 10; Вороним. 1956). Судя по разнообразию наименований верхней одежды - плаща (это и кожух, и портище, и кочь), ни ей, ни наплечным украшениям - бармам в XIV веке еще не придавалось значения великокняжеских регалий.

Знаком княжеской власти служил посох. Даже в XVIII веке считалось, что "посох или трость, имеющая сверху подобие епископского жезла, означает духовное правление и власть" (Амбодик. С. НИ). В католической традиции так и осталось: посох - неременная принадлежность епископов, знак церковного всевластия (Moser. S. 306 - 307; Kletler. S. 9). Иное дело на Руси. Он был такой же принадлежностью светской власти, как и духовной. Посохи и духовных лиц, и князей на Руси напоминали вытянутую букву "Т", но у княжеских посохов концы наверху были загнуты вверх, а у духовных лиц - вниз (Арциховский. 1944. С. 119). Посохами пользовались и женщины (Сб. РИО. Т. 71. С. 39).

В 1476 году новгородцы преподнесли Ивану III посох из "рыбьего зуба", т.е. моржового клыка, как символ признания его верховной власти над городом. А имперский посол Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Москве в 1517 и 1526 годах, отметил, что на приеме у Василия III "справа от него на скамье лежала шапка-колпак, а слева - палка с крестом, т.е. посох" (Герберштейн. С. 109).

В Лицевом своде жезлами в качестве знаков власти снабжены все великие князья, равно как и ханы (Арциховский. 1944. С. 126, 141 - 142). Спор из-за великого княжения так изображен на миниатюре Лицевого свода: два князя - Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский - сидят на одинаковых "столах" в одинаковых шапках и с одинаковыми жезлами в руках. Неравное положение князей-соправителей - Дмитрия Ивановича Донского и Владимира Андреевича Храброго - подчеркнуто тем, что у первого в руках жезл. Было ли так на самом деле, трудно сказать, ведь миниатюрист XVI века должен был доказать исконность такой царской регалии, как скипетр, который Иван Грозный ввел в обиход лишь в 1552 - 1553 годах.

Хранились посохи в казне, но очень пострадали во время польского хозяйничанья в Москве в Смутное время (с 1611 по 10 мая 1612 г.). Жалованье польским наемникам платилось за счет княжеских драгоценностей: "... от казны выдано, с государева посоха снято было 6 гривенки" (РИБ. Т. 2. СПб., 1875. С. 226, 242, 245 – 246). Если провести аналогии с уцелевшими митрополичьими посохами, то можно думать, что и на княжеских изображались сюжеты, символизировавшие власть и подчинение (Чернецов; Голубцов. С. 87 – 116).

Посох был повседневным знаком власти, вероятно, поэтому он и отсутствовал в великокняжеских завещаниях XIV – XVI веков.

Несмотря на скудость данных об этом темном периоде отечественной истории, можно считать, что прежние регалии – и "стол", и "шапка", и такой повседневный буднич-ный знак власти, как посох, – сохранились в княжеском и великокняжеском употреблении. К сожалению, о внешнем виде этих предметов можно судить лишь по более поздним миниатюрам, авторы которых создавали обобщенный образ, а отнюдь не точный портрет вещи.

Мы не касались еще монет и печатей. Обратимся теперь к ним. После сравнительно длительного "безмонетного периода", причины которого не связаны с монгольским завоеванием (этот период наступил задолго до иноземного нашествия), когда в конце XIV века Русь стала несколько оправляться после нашествия, возобновилась чеканка русских монет (Орешников. 1896. С. 81 – 89). На оборотных сторонах московских и нижегородско-суздальских монет помещали различные арабские надписи типа: "Султан Токтамыш да продлится" (как это было на монетах Дмитрия Донского и Василия I), или с окончанием: "Да продлится его царствие", или просто без имени "султан справедливый" (на монетах Василия I). Надписи свидетельствовали, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, о политической зависимости русских княжеств от Орды. Зато на лицевой стороне встречаются и всадник с соколом в руке, и барс, и просто четвероногое животное; дополняют эти изображения и вытесняющая их строчная надпись, скажем, "князь великий Василии вся Руси" (Федоров-Давыдов)

Облик московских монет трансформировался в связи с изменением политического статуса Василия I. В начале

своего княжения Василий I признавал верховную власть Токтамышша и посему снабжал свои монеты круговой надписью "великий князь" на лицевой стороне и именем хана - на оборотной. В начале XV века он отказался от выражения своего вассалитета и на оборотной стороне монет стал помещать надпись (легенду) со своим именем и полным титулом. Однако поход хана Едигея в 1409 году временно положил конец притязаниям великого князя московского на самостоятельность, а на монеты 1410 - начала 20-х годов XV века вернулись арабские надписи, правда, нечитаемые (Федоров-Давыдов. С. 26 - 56, 105 - 118).

Лишь около десяти лет, на рубеже XIV - XV веков, Василий I мог прокламировать свою внешнеполитическую идею собирания Руси, т.е. объединения всех русских земель домонгольского времени. С 1399 по 1408 год он помещал на своих монетах владимирский герб - "барса", символизировавшего его титул "великого князя Руси". Другими символами на этих же монетах были всадник, в XVI веке названный "ездецом", и "воин в профиль". Они олицетворяли власть князя, подчеркивая его суверенитет в условиях, когда другие способы выражения этой идеи были неприменимы (Федоров-Давыдов. С. 131 - 140).

В ордынское время некоторые другие русские князья тоже осмеливались использовать изображение всадника на своих монетах. Это были ярославские князья Федор Васильевич и Александр Федорович в 1426 - 1464 годах. Исследовательница рассматриваемых монет Н.Д. Мец подчеркивала, что в Ярославле не было "двуименных" монет, т.е. монет с именами великого князя московского и местного, ярославского князя, выпуск которых "показывал зависимость уделов от Москвы" (Мец. 1960; Назаров. 1995). Так ли это на самом деле, трудно сказать. Не исключена и возможность, что персону великого князя владимирского и московского на ярославских монетах олицетворял всадник, подобно тому как лев и орел олицетворяли ее на новгородских посадничьих печатях XV века (см. далее).

Таким образом, вместе с изменением общего соотношения сил Руси, прежде всего Северо-Восточной, и сил Монгольской империи и ее наследников - Золотой, а позднее Большой Орды - эволюционировали и символы власти, представленные на монетах: в XIII - частично XIV веках - вассалитета русских князей, а в XV веке - их сюзере-

нитета и притязания на всю территорию домонгольской Руси.

Такая же эволюция идейного содержания характерна и для печатей, в частности одного из типов княжеских печатей Пскова XIV века (Белецкий С. В. 1983; 1985 - 2; 1986). На одной их стороне располагался всадник в островерхой шапке, движущийся вправо и держащий правой рукой вертикально поднятый меч, а на другой - четырехстрочная надпись: "ПЕЧАТЬ КНЯЖА ОЛЕКСА(н)ДРОВ(а)". Исследователь псковских печатей С. В. Белецкий приписал ее князю Александру Михайловичу Тверскому, в 1327 году покинувшему родину ради Пскова. В 1329 году он на полтора года отправился в Литву, но, вернувшись в Псков, оставался там до 1337 года. Во время своего псковского княжения Александр Михайлович якобы и принял новую печать по "литовскому" образцу. Для сравнения использовались печати литовского князя Витовта 1417 и 1423 годов. Тому же князю, по С.В. Белецкому, принадлежала и печать "новгородского типа" с изображением Вседержителя и св. Александра в рост.

В этой теории смущают два обстоятельства: во-первых, большой хронологический разрыв литовского образца, т.е. печати Витовта первой четверти XV века, с псковским подражанием - предполагаемой печатью 30-х годов XIV века, - опередившим образец почти на три четверти столетия; во-вторых, различие иконографии всадника на печатях Витовта и псковской: на первой меч имеет почти горизонтальное положение, на второй - вертикальное. Думается, образец для своей печати Александр Михайлович мог найти и на собственной родине.

Не отрицая основной идеи С. В. Белецкого о принадлежности печатей Александру Михайловичу Тверскому, можно дать и иное толкование изображений. Печать со всадником, датируемая 1327 - 1329 годами, прокламировала независимость псковского тверича. Печать с Вседержителем, созданная после 1332 года, закрепляла зависимость князя от Новгорода после конфликта, происшедшего с Иваном Калитой еще во время знаменитого тверского восстания 1327 года, когда тверской и московский князья оказались в разных лагерях (как известно. Колита действовал в согласии с ордынцами). В 1332 году не только Колита "отделе псковичамь вины" (т.е. приглашение или

принятие тверского князя на псковский "стол"), но и церковные власти сделали то же: "...Митрополит Феогност и владыка (новгородский) Моисии благословиша посадника Салагу и весь Псков" (ПЛ. Вып. 2. С. 23). Вот в это-то время и могла появиться печать новгородского типа.

Тверско-псковско-московский конфликт, связанный с поведением князей по отношению к ордынским наместникам, свидетельствовал о прочности политических позиций московского князя на Руси. Без этого Калите не удалось бы представить псковичей "виноватыми", однако ему не хватило силы для полного подчинения Пскова собственной власти, он добился лишь укрепления новгородского сюзеренитета в Пскове, о чем и свидетельствует печать Александра Михайловича новгородского типа. В целом же события 1327 и 1332 годов можно рассматривать как прелюдию к дальнейшему росту авторитета московских князей, росту, который и привел через полстолетия

к великому Донскому побоищу, круто изменившему линию политического и общественного развития средневековой Руси.

Москва и Новгород в XV веке: лев и орел

С конца XIII века на историческую арену вышло Московское княжество. Оно представляло собой мельчайшее новообразование, которыми в то время так изобилвала Русь. Младшему сыну Александра Невского Даниилу принадлежало первоначально княжество, значительно уступавшее по площади современной Московской области. Но это княжество росло, как на дрожжах. Виновата ли в том Москва-река, с низовьев несшая на своих водах до самой Москвы корабли с товарами, которые здесь перегружались на сухопутный транспорт, а с верховьев доставлявшая жителям часто горевшего города вековые бревна из необозримых тогда можайских лесов; или укрытость княжества в глубине лесов, что охраняли эту землю от неожиданных, "изгоном" набегов татар; или сама неприметность ее притягивала беженцев с восточных и южных окраин, уходивших подальше от бдительного ока татарского баскака - сборщика дани; или благодатный климат; или все это вместе взятое. Но ко временам Ивана Даниловича Колиты, внука Александра Невского, Московское княжество стало ведущей силой на северо-востоке Руси. В борьбе за Великое кня-

жение Владимирское Москва вступила в соперничество с Тверью и выиграла его. Уже Ивану Даниловичу удалось стать не только московским, но и великим князем владимирским, а начиная с Ивана Колиты это Великое княжество не выходило из рук его наследников.

Авторитет Москвы укрепила мужественная позиция Дмитрия Ивановича, внука Колиты, который первым из московских князей преодолел психологический барьер страха перед захватчиками и отважился на открытую вооруженную борьбу с ними. Он не только оборонял пределы Руси, но первым вышел за них. Знаменитое Донское побоище, или, как мы теперь говорим. Куликовская битва, происходило южнее границ Руси. Донской решился пересечь их ради сражения с войском Мамай. Победа объединенных московских сил над объединенными ордынскими стала исходным пунктом возрождения Руси. Позади была дипломатия Александра Невского и Ивана Колиты, вынужденных идти на уступки монголам... Но уже светил огонь, вернее, еще огонек, надежды, который зажегся на Дону. Он светил ожиданием освобождения от иноземного ига для тех, кто под ним находился, но, увы, новой несвободой для тех, кто от него освобождался.

К последним принадлежал Великий (с конца XIV века) Новгород. Он жил как бы в другом измерении. В Москве укреплялась княжеская власть, исчезали последние органы самоуправления, в частности тысяцкие, а в Новгороде, казалось, процветала демократия. Городом управляли выборные посадники – Совет господ, или господа. Все большие круги бояр оказывались вовлеченными в непосредственное управление городом, укорачивались сроки посадничества (до полугода), чтобы максимальное число бояр смогло занимать эту должность (Янин. 1962).

Однако за внешне обманчивым упрочением новгородской республиканской власти происходил процесс потери этой землей своей независимости. Три крупных и не очень крупных государства Восточной Европы – Великое княжество Литовское, Тверское княжество и быстро растущее Московское княжество – стремились овладеть "северной Венецией", естественным посредником в торговле Руси со странами Северной Европы. Литовское княжество предприняло решительный натиск в правление Витовта, который организовал два похода, в 1406 и 1426 годах. В начале

XV века новгородцы приглашали к себе литовских князей. Литовские служебные князья получали в кормление ("хлебкормление") крепости, то Копорье, то Ладугу. В третьей четверти XV века новгородская господа, стремясь сохранить независимость города, склонялась иногда к союзу с Литовским княжеством. Особенно ярко эта тенденция проявилась в последние два года самостоятельного существования Новгородской республики – в 1470 и 1471 годах.

Пик влияния Тверского княжества приходится на начало 70-х годов XIV века, когда Новгород временно принял верховенство тверского князя Михаила Александровича. Московское же княжество, исподволь стремившееся к упрочению своих позиций в Новгородской земле, умело воспользовалось для этого конфликтом из-за Торжка в середине 70-х годов XIV века. Таким образом, уже накануне Куликовской битвы были сделаны первые шаги к будущему покорению Новгорода.

В конце XIV века Московское княжество добилось новых успехов: Двинская земля временно, на два года, перешла под юрисдикцию великого князя владимирского и московского. Отношения великого князя владимирского (будь то тверской или московский) и Новгорода регулировались "рядом" – договором. На протяжении XV века, согласно этим документам, права новгородцев все больше и больше стеснялись при том, что внешне сохранялась приверженность старине и тщательно перечислялись все те князья, которые уже раньше вступали с новгородцами в договорные отношения (ГВНП. .No 19, 22, 26; Янин. 1991. С. 173 – 177, 101 – 102, 189 – 191).

Право высшей судебной власти, которым раньше пользовались князья, приглашаемые на свой "стол" новгородцами, перешло к великому князю. Его судья должен был совершать объезд новгородских волостей, чтобы чинить там суд и расправу. Вслед за договором 1435 года следующий "ряд", заключенный на полпути между Новгородом и Москвой, в Джедбичах, в 1456 году, на исходе феодальной войны, в которой Новгород отнюдь не последовательно выполнял свои обязанности вассала, отнял у новгородцев право удостоверять какие бы то ни было документы городской печатью. "А печати быта князей великих" – гласил московский экземпляр (противень) договора (ГВНП. No

23. С. 41 – 42). Отныне только печать великого князя владимирского и московского могла придавать юридическую силу документам.

Однако среди сохранившихся новгородских печатей XV века до сих пор не обнаружено печатей, которые можно было бы назвать московскими или владими́ро-московскими. Их можно выделить лишь на основе рассмотрения помещенных на них эмблем. А для уяснения истории государственной символики важно уточнить, как формировались в простых, крайне противоречивых условиях борьбы Новгорода за сохранение независимости эмблемы его государственности, проверять, не оказывала ли воздействия на изменения этой эмблематики меняющаяся ситуация. Единственным источником по данной теме могут служить новгородские печати, частично сохранившиеся при архивных документах, а частично "ископаемые", т.е. найденные случайно (в особенности на месте княжеской резиденции – на Городище) или обнаруженные при археологических раскопках Новгорода.

Прибегнем снова к исследованию В.Л. Янина и составленному им каталогу русских печатей, известных до 1970 года.

От XV века сохранилось два типа печатей. Один имеет на обороте надпись "печать новгородская", второй – "печать Великого Новгорода" И тот, и другой тип принято считать государственными печатями этого города (Ямин. 1981. С. 220 – 228). На них помещены различные изображения. Их соотношение подсчитано В.Л. Яниным. Приведем его данные (I – "печати новгородские" II – "печати Великого Новгорода"; первая цифра – число разновидностей, вторая цифра – число экземпляров):

	Христос	Воин	Всадник	Зверь	Птица	Без изобр.
I	2/2	6/11	1/1	4/10	-	-
II	-	1/1	1/1	25/36	9/12	1/2

На первом месте среди изображений по числу разновидностей стоит зверь, около которого однажды была помещена и надпись: "А ея лют зверь", т.е. лев (Забелим. 1850; Клейненберг). Второе место, но только на "печатах Великого Новгорода" занимает птица, как правило, в профиль. Эпизодически встречаются воины, всадники, лишь на "печатах новгородских" имеется изображение Вседержи-

теля. Из всех этих образов в новгородской традиции до XV века известен лишь один – Вседержитель.

Обратимся к этим изображениям и попытаемся узнать их смысл (семантику) и цель помещения их на новгородских печатях. Вседержитель встречался на новгородских печатях и раньше. К. договорной грамоте о мире и торговле с Готским берегом (о. Готландом), г. Любеком и немецкими городами, составленной в 1259 году, но скрепленной печатями только в 1270 году, в условиях размирья новгородцев с их князем – братом Александра Невского Ярославом Ярославичем была привешена печать Совета господ ("ПЕЧ/ЯТЬ ВСЕ/ТО НОВА/ГОРОДК(А)") с изображением Вседержителя, которого новгородцы считали своим небесным покровителем (Львов. С. 31 – 33).

Христос представлен в нимбе, сидящим на престоле с распростертыми в благословении руками (Ямин. 1970. Т. 11. № 705. С. 125). В XV веке Вседержитель изображен по пояс с Евангелием в левой руке (Янин. 1970. Т. 11. № 707, 708). Одна из этих печатей привешена к новгородской грамоте Кольвани (Ревелк), ныне Таллинну) 1413/14 года о суде из-за торгового конфликта и принадлежит, по мнению В.Л. Янина, тысяцкому Ананье Константиновичу (Янин. 1970. Т. 11. С. 103, 127). И на этот раз Вседержитель – покровитель светской власти, причем не княжеской, а городской (Там же. С. 133).

Остальные изображения на анонимных новгородских печатях не имеют прообразов в местной сфрагистике предшествующего времени. Печать с изображением воина сохранилась при грамоте Новгорода Риге о суде над Хинтце Зессембеком и его братом ордынским переводчиком Герттке (Артемием) 1418 – 1420 годов (ГВНП. № 58; Янин. 1970. Т. 11. № 709), похожая была найдена при раскопках в слое 1409 – 1422 годов.

Вероятно, всю группу печатей с воином следует отнести ко второму десятилетию XV века. Стилистически изображения довольно близки – это стоящий воин в зубчатой короне или в шлеме с копьём в правой и щитом в левой опущенной руке. Он одет в короткий до колен кафтан (или кольчугу) с мелкосетчатым диагональным узором. И узор, и тип одежды чужды русской традиции. Большой соблазн возвести этот образ к литовской традиции. На нее же намекает и надпись с выносной буквой Т, на коротком осно-

вании распластавшейся над верхней строкой. Такие выносные характерны для графики русских рукописей, созданных в Литовском княжестве.

Продолжая цепь догадок, можно связать появление образа светского воина с пребыванием литовского князя Семена Ольгердовича (Лугвеня) в Новгороде в 1407 – 1413

годах. В это время в Новгороде произошла денежная реформа, в обращение вошли литовские гроши и немецкие артуги. Образ светского воина мог символизировать и литовского служебного князя Лугвеня, и самого великого литовского князя Витовта. Впрочем, к концу второго десятилетия печать с изображением светского воина должна была стать анахронизмом – Лугвень уже покинул город. В 1416 году был урегулирован конфликт с Василием Дмитриевичем Московским (1389 – 1425), в Москве митрополит поставил архиепископом в Новгород игумена Хутынского монастыря, а тот воздвиг в Новгороде храм в честь первого московского митрополита Петра, признав его чудотворцем и святым.

К группе печатей с воином близка единичная печать с изображением всадника, повернутого влево: их роднит и время попадания печати в землю (1409 – 1429), и одинаково редкое написание буквы Т. Может быть, и этот образ всадника восходит к литовской "погоне" – гербу Витовта? Ведь и на печатях Витовта всадник изображендвигающимся влево. Еще одного всадника, повернутого влево, видим на "печатах Великого Новгорода" (Янин. 1970. Т. 11. No 715, 722).

На печатях же сыновей Александра Невского – Дмитрия и Андрея, внука Ивана Колиты – Дмитрия Донского и монетах Василия 1, его брата Андрея Дмитриевича Можайского и их многочисленных современников всадник повернут вправо (Янин. 1970. Т. 11. ь 384 – 394, 421; Орешников. 1896. ь 402, 454 – 461, 757, 758; Рис. 326 – 329, 351, 610, 61 1). Таким образом, изображения конников на новгородских печатях первой четверти XV века не соответствуют ни новгородской, ни московской традиции. Это еще более укрепляет в предположении о том, что рассматриваемые печати Новгорода носят изображение всадника, восходящее к литовскому образцу.

Если об истоках образов воина и всадника можно спорить, то происхождение другой эмблемы новгородских государс-

твенных печатен более определенно. Речь идет о "звере". Четыре разновидности его помещены на "печатах новгородских" и 25 – на "печатах Великого Новгорода". Это, несомненно, наиболее распространенный образ в новгородской сфрагистике XV века (остальные четыре изображения представлены только 20 разновидностями). Неточный термин "зверь" * можно заменить термином * "лев". Надпись на печати, приложенной к новгородскому посланию в Ригу 1418 – 1420 годов (ГВНП. ь 58): "А ея лют зверь" не оставляет в этом никаких сомнений (о термине "лют" см.: Забелин. 1850. С. 55; Клейнберг). Итак, снова львы, на этот раз заполнившие новгородские печати. Это факт примечательный. Ведь в домонгольское время львы были свойственны владими́ро-суздальскому искусству и встречались по преимуществу лишь в Северовосточной Руси.

Традиция эта сохранилась и в конце XIV – XV веках. "Львиная" эмблематика характерна, например, для монет Василия 1 Дмитриевича. "Преемственность изображения барса и его переход с резных рельефов владими́ро-суздальских соборов на московские монеты Василия Дмитриевича очевидны и не случайны. Эта преемственность отражала тенденцию московского князя к закреплению за собой великокняжеского русского стола, к созданию непрерывной преемственности владения этим великокняжеским столом" (Федоров. С. 169). С мнением Г.Б. Федорова перекликается и суждение Г.К. Вагнера: "Поскольку Москва считала себя политической наследницей великого Владимирского княжения и на такую роль претендовала и Тверь, то естественнее всего было возродить Владимиро-суздальскую эмблематику, т.е. изображение льва" (Вагнер. 1962. С. 262 – 263).

Не только в Москве, но и в Твери соперники московских князей использовали образ льва на своих монетах. "Четвероногое с хвостом, пропущенным под заднюю ногу вверх", фигурировало и на монетах князя Бориса Александровича Тверского (1425 – 1461). Круговая надпись не оставляет сомнений в принадлежности монеты. "ПЕЧАТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА" (Орешников. 1896. ь 231 – 233. С. 40. Табл. III. ь 101). Однако и на монетах его предшественника Ивана Михайловича (1399 – 1425) тоже есть "четвероногое", на этот раз "со щетинистым хвостом". На обороте – человек в королевском одеянии в

полный рост с копьём в правой и овальным щитом в левой руке (Там же. Но 103. С. 24. Табл. 11. Но 45). Пользовался подобной же эмблемой и Михаил Борисович Тверской (1461 - 1485), на оборотной стороне его монеты строчная надпись: "П(Е)Ч(А)Т/КН(Я)ЗАВ(Е)Л(И)КОГМ(И) ХАІЛ(а) (Орешников. 1896. Но 274, 279 - 294. С. 46 - 48. Табл. т. ь 139, Табл. IV. Но 144 - 145).

На княжеских печатях в пределах Новгорода изображение льва впервые появилось в 1370 - 1373 годах, когда великий князь тверской Михаил Александрович претендовал на Великое княжение Владимирское. "Печать князя великого Михаила" с эмблемой Владимирского княжения ясно обнаруживала его намерения. Так в печати отразился один из этапов долгой и ожесточенной борьбы тверского и московского князей за верховенство над Северо-Восточной и Северо-Западной Русью. Естественно поэтому и использование Владимире-суздальской государственной эмблемы на печати тверского князя. Спустя полстолетия лев стал такой же эмблемой и на печати Василия а (Янин. 1970. Т. 11. Но 432), причем "сфрагистический тип явно восходит к новгородским печатям... Михаила Александровича" (Янин. 1970. Т. 11. С. 34).

Утверждению льва как геральдической эмблемы в Новгороде предшествовало и сопутствовало распространение этого образа в новгородском прикладном искусстве: в XII веке - на печатном перстне и в довольно примитивном изображении, в XIV веке - на застежке цепи (цепедержателе). Очень выразительны у льва спокойная морда, огромная грива и хвост, высоко поднятый над спиной. Известен этот образ и в XV веке. На печатном перстне с надписью "левъ зверь" видим льва с могучей гривой и хвостом, прoderнутым под задней лапой (Древний Новгород. Но 93, 103, 105). Сходство львов печатного перстня XV века из Новгорода и львов владими́ро-суздальского искусства XII - XIII веков поразительно.

Дальнейшая жизнь этого образа в Новгороде связана прежде всего с новгородскими печатями XV века. Как можно объяснить появление льва на "печати новгородчой" начала XV века? Известно, что в Новгороде в это время побывали два сына Дмитрия Донского - в 1406 году Петр, а в 1408 и в 1420 - 1421 годах Константин в качестве наместников великого князя. Возможно, с пребыванием в

Новгороде этих живых представителей Московского великокняжеского дома и следует связать использование владимирской эмблемы на новгородских городских печатях.

Эта эмблема представлена в многочисленных разновидностях: то в 1418 - 1420 годах лев обращен налево (Янин, 1970. Т. 11. ь 716), то - на большинстве печатей - направо в одинаково агрессивной позе, один раз с крестом в зубах, соответственно как носитель православия (Янин. 1970. Т. Л. ь 719). В "печатах Великого Новагорода" изображения львов настолько разнообразны, что трудно их даже разделить на группы. По-видимому, они-то и стали господствующими на протяжении 20 - 70-х годов XV века.

Типологически, вне зависимости от надписи на печати и изображения льва, это печати, известные на Западе как печати министриалов. На печатях такого типа всегда находится эмблема сюзерена, в данном случае эмблема Владимирского Великого княжения. Московский князь был для Новгорода сюзереном в качестве великого князя владимирского. И анонимные городские печати, имевшие в своих надписях лишь название города, по-видимому, и закрепляли отношения великого князя с его вассалом - Господином Великим Новгородом. В правильности подобного предположения убеждает и сопоставление новгородских печатей с печатями тиунов великого князя Василия II, на которых тоже красуется гордо вышагивающий лев с высоко поднятой левой лапой и длинным языком (Ямин. 1970. Т. а. ь 452, 453). Позднее, после присоединения Новгорода и создания государства всея Руси, такая печать стала и его эмблемой. Так, на обороте пула (мелкой медной монеты) с изображением льва имеется надпись "осподаря всея Руси" (Гайдуков, 1984; 1993). В связи с этим можно полагать, что и на именных печатях посадников и тысяцких львы тоже олицетворяли верховную власть великого князя, прежде всего владимирского, московского, а порой и тверского.

Вариант этой же эмблемы ("лютого зверя", "барса") появился на псковских печатях в 1510 году (Белецкий С.Л. 1994. Вып. 1. С. 15; вып. 11. С. 17-18), после окончательного присоединения Пскова к Москве.

Эмблемой, символизирующей верховенство великого князя владимирского на "печатах Великого Новагорода", выступает, на наш взгляд, и орел. Известно, что уже начи-

ная со второго десятилетия XV века великие князья московские претендовали на титул царей (об этом см. следующий раздел). Такая интерпретация довольно жалкой птицы, скорее похожей на курицу, обычно в профиль, изображенной на новгородских печатях XV века, была бы сомнительна, если бы одна из этих печатей не имела надписи, снимающей всякие подозрения в породе этого представителя пернатых: "орель" (Янин. 1970. Т. 11. No 726). Поскольку такое сомнение исчезает, то встает вопрос, когда и каким образом новгородцы или русаки Северо-Восточной Руси – москвичи, владимирцы и прочие – могли познакомиться с этим символом.

Обращаемся снова к владими́ро-суздальской скульптуре. И здесь, к удивлению, обнаруживаем немалое число "родственников" орлов, имеющих на новгородских печатях, в искусствоведческих трудах, скрытых псевдонимом или анонимом – птицы или "голубя" (Вороним. 1958. С. 149. Илл. 66). В средневековье рядом с изображениями львов, несшими огромную смысловую нагрузку, можно сказать, почти идеологическое бремя, изображений простых птиц быть не могло. Рядом с царем зверей должен был находиться царь птиц – понимаем мы с большим опозданием, внимательно начиная вглядываться в птиц Владимира-суздальских соборов. Рядом с изображением царя Давида (Steger) в Дмитровском соборе должно быть изображение птиц – орлов.

Больше всего изображений таких птиц на суздальском Рождественском соборе. Все они в профиль, имеют приподнятые крылья, точно так же, как и на новгородских печатях, но повернуты большей частью вправо, а на новгородских печатях, наоборот, большей частью влево от зрителя (Вагнер. 1975. С. 57, 85, 118). Таким образом, надпись "орель" на печати Великого Новгорода (Янин. 1970. Т. 11. в 726) позволила определить породу птиц Рождественского собора.

Таких же – теперь уже можно без раздумья говорить – орлов видим и на пилястрах Юрьевского собора, где они чередуются со львами (Вагнер. 1966. в 21, 25). На Дмитровском соборе (на его западном фасаде) чрезвычайно интересный рельеф. Две твердо ступающие на прямых ногах птицы, как всегда с приподнятыми крыльями, переплели головы на длинных шеях, так что наверху оказалось нечто похожее на двуглавие (Вагнер. 1968. No 7). В росписи юж-

ных дверей собора Рождества Богородицы есть и настоящий двуглавый орел (Вагнер. 1975. С. 119). Вот и найден ответ на поставленный вопрос: истоки и этого мотива находятся во Владимире и Суздале.

Новгородскому прикладному искусству эта царственная птица, причем коронованная, известна уже с XII века, когда ее изображение было помещено на ажурную накладку. Такая же "хищная птица с когтистыми лапами", по определению В.Л. Янина, да еще в трехлучевой короне, какие были приняты в то время в искусстве Руси, находится на медальоне конца XIV века (Древний Новгород. No 57, 95. С. 51, 63). С чем связано появление подобных образов на различных предметах новгородского искусства XII - XIV веков? Орел - царь птиц в соответствии со своим рангом среди пернатых мог символизировать лишь царя людей. А царями в раннесредневековой Руси современники именовали лишь Владимира Святославича и Ярослава Мудрого (Высоцкий; Порре. 1984). Уже начиная со второго десятилетия XV века великие князья московские претендовали на титул царей. Этот титул употреблен в "Слове о житьи и о представлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго", созданном в конце XIV - начале XV века. Использовал его и автор Повести о хождении на Флорентийский собор 1437 года (ПЕРЛ. Т. 25. М. - Л., 1949. С. 254). По-видимому, оба эти произведения принадлежат духовным лицам, знакомым с византийскими традициями оформления власти.

Несомненна связь этого мотива с романским искусством. На знаменитом гобелене из Байо - тканой картине битвы при Гастингсе 1066 года - орлы в таком же точно ракурсе и с так же приподнятыми крыльями вместе со львами сопровождают короля Эдуарда (Rud, Betrand). Так представляет орлов и "Рейнская книга образцов" (Velleu. S. 17). В той же позе вырезан символ евангелиста Иоанна на рельефе церкви Торслев 1150 года в Южной Ютландии (Landberg. S. 9. Taf. 4). В Священной Римской империи изображение одноглавого орла стало очень популярно уже при Карле IV (Posse. Bd. 2).

Обратимся снова к Руси, но теперь к другому ее региону - Московскому княжеству и государству вся Руси, а также к Тверскому княжеству. Орел в той же позе входит в одну из композиций на рогатине тверского князя Бориса

Александровича. Несколько отличен образ орла на печати, привешенной к договору 1433 года Ивана и Михаила Андреевичей Можайских с великим князем владимирским и московским Василием Васильевичем. Хотя и здесь изображен орел, "собирающийся лететь", но крылья у него раскрыты значительно больше, чем у орлов предшествующего времени. Он представлен в фас, голова повернута влево от зрителя. А.Б. Лакиер сопоставил эту печать с другой печатью XV века, где орел изображен также в фас, его правое крыло поднято, левое полуприподнято, но расправлено полностью, голова с хищно раскрытым клювом повернута вправо (Лайнер. С. 89. Табл. XI. в 1, 4). Этот последний образ точно воспроизведен на земской печати 1611 года.

Имеются аналогичные изображения орлов и на монетах. "Птица с поднятым крылом" изображена на монете ярославского князя Ивана Васильевича, в 1410 - 1412 годах участвовавшего в военных и дипломатических начинаниях Василия 1. Едва захватив Москву и став "великим князем", Дмитрий Шемяка чеканит монету с "петухом" (Мен. 1960. С. 126; 1974. Но 190 - 191. С. 34). Взлетающий одноглавый орел украшает и портал Грановитой палаты Московского Кремля.

Несмотря на появление двуглавого орла в конце XV века, его одноглавый собрат не исчез из прикладного искусства XVI - XVII веков. В центре чаши "на мисюрское дело", т.е. по египетскому образцу, пожертвованной в Троице-Сергиев монастырь в 1520 году, находится тот же одноглавый орел, окруженный зайцами, собакой, грифоном (ОРК XVI в. ч. 2. С. 80).

На новгородской мелкой медной монете - пуле XV века, а равно и на легких московских монетках - полушках, чеканенных после реформы 1535 - 1538 годов в Москве, Твери, Пскове и Новгороде, видим ту же "птицу" (ОРК XVI в. ч. 1. С. 234; Орешников. 1896. Но 321, 1899; Базилевич. С. 88). С легкой руки подьячего Григория Котошихина, составившего описание России начала XVII века, их трактуют как "голубей": "Полушки... на одной стороне голубь, а на другой написано "царь" (Котошихин. С. 97). На этих монетах изображение одноглавого орла использовалось вплоть до правления Алексея Михайловича. При нем, наконец, эмблема одноглавого орла была сменена

эмблемой двуглавого коронованного орла (Мельникова. С. 164. Табл. 3 - 4). Зная популярность этой эмблемы на Руси, ганзейские послы, по словам голландца Исаака Массы, преподнесли Борису Годунову кубки в виде одноглавого орла, единорога, льва с мечом в правой и державой в левой лапе.

Но вернемся к новгородско-московским печатям. Смена эмблем на новгородских печатях осуществлялась в несколько этапов. Согласно датировкам В.Л. Янина, они таковы:

1416 - середина 30-х годов XV века: на печатях новгородских сосуществуют различные эмблемы - воин, всадник, зверь, орел, Вседержитель;

середина 30-х - конец 40-х годов: печати с изображением льва;

около 1450 - 1470-е годы: печати с изображением орла; середина 1470-х годов - зверь, т.е. лев (Янин. 1970. Т. 11. С. 142).

Если предположить, что все эти эмблемы связаны с носителями верховной власти (всадник - эмблема литовских и московских князей, лев - эмблема Владимирского Великого княжения, орел - символ царской или неограниченной власти. Вседержитель - покровитель Новгорода, а воин - покровитель князя, как это мы видим на печатях Ивана Даниловича, Семена и Ивана Ивановичей), то выстраивается четкая последовательность использования московскими, тверскими и литовскими князьями различных эмблем для оформления своих прав в Новгороде. Исчезновение Вседержителя с новгородских печатей свидетельствует о качественно ином типе отношений верховной власти, т.е. великого князя владимирского, с Новгородом. На смену личным печатям этих князей приходит эмблема их княжения - владимирского, московского и господаря. Приходится повторить слова Н.П. Лихачева, сказанные по поводу новгородской печати XVI века: "Самостоятельный Новгород не выработал своей геральдической эмблемы... Печать подчеркивает, что... все... подвластно только наместникам, а посадники и тысяцкие подчиняются верховной власти московских князей" (Пит. по: Янин. 1970. Т. 11. С. 144).

Обзор "печатей новгородских" и "печатей Великого Новгорода" показывает, как происходила эволюция эмблем

князей Московского дома, каковы их политический статус и политические претензии. Лев и орел рано "начали наступление" на права Новгорода. В связи с этим трудно согласиться с мнением, будто "история пятидесятилетия (1380 - 1430) не была еще историей упадка новгородской самостоятельности, ни даже историей упадка политической мощи и значения Великого Новгорода" (Вернадский. С. 235). Не случайно периодизация новгородских печатей в целом совпадает с определенными этапами в развитии новгородско-московских отношений. Договоры 1435, 1456, 1471 годов вызвали к жизни новые типы новгородских печатей, которые по-разному оформляли права московских "господина и государя". Именно поэтому и не произошло смены "новгородской" печати после 1471 года, о чем свидетельствуют печати жалованной грамоты Троице-Сергиеву монастырю 1475 года и копия договора с юрьевским епископом от 13 января 1474 г. (ГВНП. ь 78, 101. С. 135, 155, Янин. 1991. 120 - 121, 344).

Выла ли возможна хотя бы теоретически государственная печать Новгорода в XV веке? Существовала ли эмблематика почти единственной в истории средневековой Руси республики? Думается, что признание Новгородом верховенства великих князей владимирских и московских, а в первой и третьей четверти XV века - эпизодически и тверских и литовских не способствовало формированию новгородской государственной эмблематики. Московская же эмблематика отвоёвывала себе все новые области (в частности, как подчеркивает В.Л. Янин, сместного, т.е. обшего, суда). Посадники же становились лишь придатком верховной над Новгородом власти.

Печати Великого Новгорода XV в.
(прорись по В. Л. Янину)

Снижение роли посадников началось уже в XIV веке, когда в начале 70-х годов возник новый, переходный тип государственной печати Новгорода со строчными надписями: "новгородская печать" и "посадника". Такими печатями снабжены два документа - договор с тверским князем Михаилом Александровичем и наказ новгородским послам Юрию и Якиму к тому же князю соответственно 1371 и 1374 - начала 1375 годов (ГВНП. № 15, 17; Янин. 1991. С. 165 - 171). В это время Новгород принял наместников тверского князя, оговорив, впрочем, свободу отказаться от верховенства тверского князя, если он не получит ярлыка на Великое княжение Владимирское: ". Не вынесуть тебе княжения великого из Орды, пойти твоим наместникам из Новгорода проць и из новгородских пригородов" (ГВНП. № 15).

Возможно, именно при Михаиле Александровиче Тверском и сложился новый тип посадничьей печати с изображением всадника на лицевой стороне и строчной надписью на оборотной, содержащей его имя. Таковы печать Якова Хотова (Ямин. 1970. Т. 11. № 582), привешенная к наказной грамоте 1374 года, и печать Никиты Матфеевича (Ямин. 1970. Т. II. № 583). Наместники тверс-

кого князя получили право суда, но, как и раньше, сместного. Их положение и отразили печати, которые как бы уравнивали позиции обеих сторон, эти печати были не только "новгородскими", но и посадничьими. Однако постепенно роль посадников заметно снизилась: на печати 1375 года уже не было имени посадника. Этот обобщенный тип княжеско-новгородской печати и не требовал имени посадника, как не требовали ее печати более ранние, с изображением покровителя Новгорода – Вседержителя и покровителя князя.

Наряду с княжеско-новгородскими в первой половине XV века существовали именные посадничьи печати с непривычными для Новгорода изображениями. Так, на печати посадника Федора Олисиевича, которая скрепляла договор Новгорода с литовским князем Казимиром от августа 1441 – февраля 1442 года, на лицевой стороне дано изображение птицы, на оборотной – льва с высунутым языком и высоко поднятым и закрученным хвостом (ГВНП. ь 70. С. 115; Янин. 1962. С. 281; 1991. С. 177 – 179). Птицу и зверя окружали надписи: "Печать (с)едора

*Л(i)КСЕЕВИЧА" И "ПОСАДНИКА (ВЕЛИКОГО НОВАГОРОДА)". Птица, повернутая налево, широко расставив крылья, совсем необычна, а зверь, устремленный направо, в высшей степени сходен с владимирскими львами, если не считать положения хвоста (Янин. 1970 Т. 11 ь 593).

Печать посадника Ивана Лукинича, привешенная к жалованной грамоте Соловецкому монастырю 1459 – 1465 годов, тоже имеет на лицевой стороне изображение птицы, терзающей лапами змея (рыбу?) и окруженной строчной владельческой надписью "ПЕЧАТЬ ИВАНА ЛУКИНИЧА" в венке

(Янин. 1970. Т. 11. ь 591).

Еще одна птица украшает лицевую сторону печати посадника Дмитрия Васильевича Глухова, на обороте которой изображен воин с мечом в поднятой правой руке и щитом вдовой, а также круглым щитообразным предметом с шестиконечной звездой на нем. Печать Дмитрия Васильевича Глухова скрепляла жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю от февраля – августа 1450 года (Янин. 1970. Т. 11. ь 592. С. 96; 1962. С. 288; 1991. С. 323).

Все эти печати обращают на себя внимание не только изображениями, но и наличием круговой надписи. Круговые

надписи в средневековье были характерны лишь для печатей императоров и королей, во всяком случае суверенных государей высокого ранга. Что означало их помещение на новгородских посадничьих печатях? Стремление ли высшего представителя новгородской власти – посадника – подчеркнуть еще раз суверенность избравшего его политического образования? Или стремление возвысить лишь собственную власть?

Отметим еще раз. Чем определялся сам выбор этих эмблем – льва, столь сходного с владимирским, на печати новгородско-литовского договора второй половины 1441 – начала февраля 1442 года, птица на всех трех вышеназванных печатях 1440-х, 1450-х и конца 50-х – 60-х годов? Что за птица вычеканена на печати? В эмблематике средневековья популярностью пользовалась лишь одна – царь птиц – орел. Именно его изображение избирали государи для олицетворения своей власти. Можно предположить, что и в данном случае новгородцы имели в виду орла, хотя внешне очень мало похожего. Был ли это знак суверенности Новгородской республики в один из последних периодов ее существования? Или помещение орла на печатях новгородских наместников означало подчинение Новгорода иной, более могущественной верховной власти?

Эти вопросы пока остаются без ответа. Попытаемся рассмотреть под углом зрения эмблематики и семантики изображения на "печатях новгородских" и "печатях Великого Новгорода" а также на печатях других представителей государственной власти Новгорода. Начнем с последних.

Зверь и птица имеются на печати Оiania Семеновича (Ямин. 1970. Т. 11. № 61 1), которую В.Л. Янин сопоставляет с печатью Федора Олисиевича (Янин. 1970. Т. 11. № 591). Онанья известен как тысяцкий в 1439 году (Ямин. 1970. Т. 11. С. 104). То же сочетание изображения зверя (несомненно, льва, полностью повторяющего иконографию владимирских львов, даже в положении хвоста) и орла, терзающего когтями рыбу, видим на печати Ивана Олександровича, тяготееущей, по словам В.Л. Янина, к середине XV века (ГВНП. № 68. С. 1 13; Ср.: Янин. 1991. С. 112 – 113). На двух печатях тысяцких имеется лишь изображение птицы – это печать Михаила Андреевича с изображением Михаила Архангела на лицевой стороне и печать неизвестного тысяцкого со строчной надписью (Янин.

1970. Т. Я. в 610 и 613), такой же, как на печати Ивана Лукинича в бытность его тысяцким (Янин. 1970. Т. 11. No 609).

Ставшие достаточно редкими с середины второй четверти XV века именные буллы представителей новгородской влаласти, с одной стороны, как бы повышаются в ранге: почти все, кроме булл конца 30-х – начала 40-х годов, имеют не строчную надпись, как раньше, а круговую, что уравнивает их с печатями самых могущественных государей. С другой стороны, "надписи, – как отмечает В.Л. Янин, – уходят на край буллы, оставляя главное место изображению зверя, птицы, воина или всадника". То же наблюдается и на печатях тиунов великого князя (Янин. Т. и. 1970. С. 104).

Печати псковских посадников прошли приблизительно ту же эволюцию. В XIV веке посадникам принадлежали

печати с многострочными надписями на обеих сторонах. В XV веке, начиная с 1415 года, на одной из сторон помещалась "глава человека" (Марасинова. С. 61. No 21), которую трактуют как изображение князя Довмонта-Тимофея, покровителя города. В 1425 году эта печать стала княжеско-государственной (Белецкий В.Д. 1982; 1984). Князь же, по мнению В.Л. Янина, "превратился в промежуточную инстанцию между Псковской республикой и московским великим князем", сделавшись наместником последнего (Янин. 1970. Т. 11, Колосова. 1984 – 1,2).

В 1469 году надпись на новой печати включила в себя определение Пскова как "отчины великого князя", чем и было зафиксировано признание Псковом сюзеренитета великого князя владимирского и московского (Янин. 1960, 1966. С. 169). Концепция Янина была оспорена, а позднее принята С. В. Белецким (Белецкий С. В. 1982; 1985-1; 1994-1. С. 16; 1994-2. С. 63-64. Ср.: Колосова. 1984-1,2).

Однако другая великокняжеская эмблема – орел во Пскове не употреблялась. Вероятно, это объясняется тем, что Псков еще с 1462 года, когда титул великого князя и господаря лишь иногда символизировал орел, а значительно чаще "лютый зверь", признал московского князя "государем". Этот титул сохранили и российские императоры.

Подводя итоги развития государственной символики на протяжении XV века, нельзя не отметить ее необычайную

динамичность. В особенности это касается московской государственной символики применительно к московско-новгородским, московско-псковским, московско-тверским отношениям. На печатях, скреплявших нормативные документы, касающиеся этих отношений, или принадлежавших московским наместникам, а также местным магистратам, признававшим сюзеренитет московских великих князей, на смену старой традиции изображения покровительствующего святого в виде пешего воина (новгородские князья) приходили новые традиции. Московские князья возрождали начинание Александра Невского его приверженностью к всадникам, они также пользовались эмблемой Владимиро-Суздальского Великого княжения (львом), пытались внедрить и царскую эмблематику (орла, пока одноглавого). Одновременно новгородская эмблематика испытывала воздействие со стороны литовской (коронованный воин с копьем и в иноземном платье, всадник, повернутый влево).

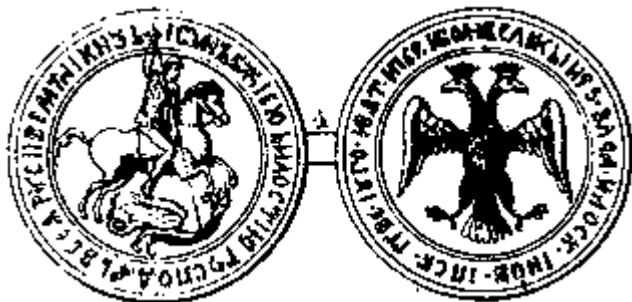
Рождение двуглавого орла

"Рождение"... Конечно, этот термин не очень точен, правильнее было бы сказать – появление, пришествие, а не рождение.

Но обо всем по порядку. К жалованной грамоте Ивана III – меновой и отводной (определявшей границы земель), данной в июле 1497 года его племянникам Федору и Ивану Борисовичам Волоцким, – среди других была привешена печать великого князя. На лицевой ее стороне с изображением всадника, поражающего дракона, в круговой надписи располагались имя и начало титула великого князя: "ИОАНЪ В(о)ЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ГОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ И ВЕЛИКИЙ КН(я)ЗЬ", а на обороте – двуглавый дважды коронованный орел с распростертыми крыльями и продолжение титула: "ВЕЛИКИ КН(я)ЗЬ Владимирский), И Московский), И Новгородский), И Псковский), И Тверской), И Угорский), И ВЯТ(ский), И Пермский), И Болгарский)" (РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 11. Но 78; ДДГ. в 85. Публикация печати: СГГД. Ч. 1. в 129. С. 333; Лакиер. Табл. VI. в 4).

Вот эта печать, где впервые появился государственный герб, стала темой для размышлений, источником многочис-

ленных гипотез ученых и "неученых" историков. В ней интересно все: изображения, их сочетание, титул. И все загадочно: время возникновения, причины принятия, политическое и общественное значение в эпоху средневековья, значимость в наши дни.

Печать Ивана III
1497 г.
(прорись по А. В.
Лакиеру)

Начнем, пожалуй, с титула. В нем три части. Первая, иногда называемая "богословие", указывает источник власти князя. Вторая - субъектная - характеризует объем и сущность власти носителя титула, его ранг среди других монархов. Третья - объектная, или, по определению А.В. Романовича-Славатинского, территориальная, содержит перечисление тех земель, на которые распространяется власть государя (Романович-Славатинский. С. 135; Загоскин. С. 184-185; Хорошкевич. 1980-2. С. 26-27). Последние два слова объектной части титула Ивана III на печати 1497 года - "великий князь" - уже хорошо знакомы читателю. Титул великих князей потомки Юрия Долгорукого и Александра Невского носили с начала XIV века. Однако в титуле 1497 года есть еще одно определение характера власти Ивана III - "государь" (государь). Этот титул как княжеский известен и раньше. Уже Дмитрий Шемяка, претендовавший на великокняжеский трон, в 1446 году на своих монетах велел выбить: "осподарь вся земли Русском" (вслед за ним этот же термин в своем титуле на монетах использовал и Василий 11 Темный (Мен. 1974. No 205 - 206. С. 35). Однако этот термин в титуле московского князя окончательно утвердился во время падения Великого Новгорода - в 1478 или после присоединения Твери в 1485 году (Кучкам. С. 223 - 224; Зимин. 1982. С. 281 - 282).

Что скрывалось за термином "государь"? Почему новго-

родцы с такой последовательностью называли свой родной город "Господин Великий Новгород", а великому князю на протяжении последних лет своей эфемерной независимости отказывали в титуле "господарь", ограничиваясь тем же титулом - "господин"? (Ср.: Szeftel. P. 62 - 65; Бернадский. С. 276.) Дело в том, что государем именовали не только великого князя; еще раньше "господарем" называли каждого холоповладельца, права которого по отношению к "рабам" и "рабыням" были практически неограниченны. Так же неограниченны были и права государя в качестве главы государства по отношению к своим подданным.

Процесс объединения государства и централизации власти в руках государя сопровождался понижением статуса бывших самостоятельных князей. От них, как и от слуг, уже не требовалось заключать "ряд" - договор с сюзереном (Лурье. С. 9 - 10). "Холопы государевы" - вот новое положение недавно еще независимых князей (Зимин. 1988. С. 143 - 146; Кобрин. С. 53 - 55). Признание новгородцами Ивана III "государем" должно было повлечь и действительно повлекло за собой низведение жителей Господина Великого Новгорода до уровня его "холопов", а самый город лишило гордого наименования "господин".

Миниатюрист Лицевого свода XVI века хронологически точно фиксирует усиление власти великих князей московских и всея Руси. Из князей конца XV века в шапках, соответствующих их ранговому достоинству, изображены лишь Иван III и его братья - Юрий, Андрей и Борис. Простые шапки одеты на князьях верейских - Михаиле Андреевиче и его сыне Василии, сыгравших заметную роль в становлении русской государственной эмблематики (см. подробнее раздел о единороге в печати Грозного). В Шумиловском томе Лицевого свода, посвященном событиям самого конца XV - начала XVI века, княжеских шапок удостоены лишь тверской и рязанский князья до момента падения этих княжеств и их включения в состав государства всея Руси. Возникновение новой иерархии - переход огромного числа прежде независимых князей на положение великокняжеских слуг и служебных князей - эта наиболее характерная черта конца XV - начала XVI века нашла свое отражение и в миниатюрах Лицевого свода. Среди служебных князей лишь потомок ярос-

лавских государей – князь Иван Пенков – один раз представлен в княжеской шапке. Впрочем, ярославские князата до середины XVI века не могли забыть о традициях независимости (Кобрин. С. 53 – 55).

Титул главы государства вся Русь воспринимали как титул короля. Так, в Великом княжестве Литовском – основном внешнеполитическом сопернике Руси – крайне болезненно реагировали на рост престижа великого князя московского, в особенности после того, как он стал государем, да еще не просто государем, но и государем вся Руси (Wodoff. V).

С 1478 года Иван III не мог добиться от великого князя литовского и короля польского Казимира признания своего нового титула "государя вся Руси". Казимиру Ягеллону этот титул казался покушением на русские земли, находившиеся в составе Великого княжества Литовского. Действительно, некоторые западнорусские князья и бояре со своими землями были склонны вернуться в состав вся Руси. Вяло протекавшая в 1487 – 1494 годах война Русского и Литовского княжеств завершилась присоединением некоторых верхнеоцких ("верховских") земель к Руси, но она не привела к урегулированию титулатурного спора. Несмотря на заключение брачного союза – новый литовский князь Александр Казимирович в 1495 году вступил в брак с Еленой Ивановной Московской, – отношения двух соседних государств оставались напряженными (Базилевич, Хорошкевич, 1980–1,2).

Таким образом, титул Ивана III на печати 1497 года – это титул притязания на неограниченную власть внутри страны, на "собрание" земель домонгольской Руси; вне же пределов Руси его употребление было чревато различными внешнеполитическими осложнениями.

В объектную часть титула были включены географические определения тех земель, которые уже действительно находились в составе государства, и тех, которые временно оставались за ее пределами. На первом месте в этой части титула находится определение "владимирский".

Мы ведь помним, что именно город Владимир считался столицей княжества Владимирского и Московского и что только с 1432 года обряд поставления великих князей стал происходить в Москве. С конца 70-х годов XV века престиж определения "владимирский" стал резко падать, и

процесс этот медленно, а потом, все набирая темп, продолжался вплоть до XIX века. Более важным становилось другое определение – "московский". Именно оно и послужило причиной того, что большинство западных соседей Руси стало называть это княжество Московским или попросту Московией. Правда, историческим названием этого Великого княжества оставалась Русь или изредка, "старому греческому образцу. Росна (Wodoff. 11. P. 143

Из числа тех земель, которые еще не вошли в государство вся Руси, но названия которых фигурировали в объектной части титула Ивана III на печати 1497 года, стоит назвать Псков. Он был присоединен лишь в 1510 году. Но его зависимость от государя вся Руси в это время была уже закреплена изображением на княжеских псковских печатях: на них появился владимирский "барс" с круговой надписью "Печать господарства Псковского" (Токмаков. С. 3; Ушаков. С. 10). Надпись полностью соответствует надписям на новгородских наместничьих печатях XVI века. Примечательно, что формальное присоединение Пскова в 1510 году не привело к изменению типа печати, сохранившегося не только при Василии III, но и при Иване IV.

Наконец, стоит обратиться к словам "Божиею милостию", также включенным в титул Ивана III на печати 1497 года.

В конце 80-годов XV века слова "Божиею милостив)" впервые прозвучали как обоснование великокняжеской власти. Божья милость – как источник этой власти впервые упомянута в конце XIV века в договоре Василия I Дмитриевича с тверским Михаилом Александровичем: "Божиею милостию и пречистыя его Богоматери по благословению... Кипреяна, митрополита вся Руси... князь велики Михаиле Олександрович целуй к нам крест" (ДДГ. Но 15. С. 40 – 41). Однако в то время этот факт оказался случайным и не превратился в традицию. Иное дело при Иване III. В его титуле эти слова стали регулярно употребляться со времени не позже 14 марта 1484 г. Этим числом датировано послание Ивана III Захарю Скаре, таманскому князю из рода Гвизольфи. Позднее, с 1495 года оно стало обычным элементом великокняжеской титулатуры (Сб. РИО. Т. 41 . С. 41 , 161 Т. 35. С. 80; ПДС. Т. 1. Стб. 15). Сама же идея о божественном происхождении власти русс-

кого государя, по мнению ряда ученых, пришла с Запада и была призвана продемонстрировать, что ранг великого князя равен рангу других европейских государей (Nitsche. 1991 - 1. S. 342; Anm. 6). В будущих католических странах Европы связанное с коронацией обожествление королей заметно с IX века (Bloch. S. 67, 69, 469).

В Византийской империи, однако, обожествление императора, как и всего, что имело к нему отношение (дворца, одежды, и т.д.), началось с V века. Уже при Юстиниане считалось, что Бог подчинил императору законы, посылая людям его как одушевленный закон (Куликовский. С. 27 - 28). В "Пчелах" - сборниках фрагментов и цитат из произведений античных и средневековых авторов, обращавшихся на Руси, помещены были высказывания греческих философов о том, что "закон ему (князю-архонту. - А-Х.) поручен от Господа", а также византийского идеолога самодержавия Агалита: "Плотским существом равен есть всем человеком цесарь, властью же сановною подобен есть Богу вышнему, не имать бо на земле вышшего себе" (Melissa. S. 109, 111; Ср.: Treitinger. S. 129 - 133).

Это представление об императорах как святых после Вселенских соборов связывалось с процедурой помазания (Aufhauser. S. 531 - 533). Вплоть до XV века их изображали в нимбе. На Руси их также признавали святыми (Савва. С. 69 - 70).

Однако мнение о западном происхождении тезиса о божественном источнике великокняжеской власти не подтверждается уже в конце XV века. Сочетание византийско-европейской традиции с потребностями времени образования государства вся Руси и привело к появлению в титуле на печати 1497 года слов "Божиею милостию".

С середины 80-х годов слова "Божиею милостию" прочно вошли в титулатуру великого князя. Кстати, они указывают то время, ранее которого подобная печать не могла быть создана, - 1484 год.

В конце же XV века слова "Божиею милостию" приобрели особое звучание в связи с тем, что на следующий год после скрепления новой печатью отводной грамоты волоцким князьям 1497 года состоялось первое известное по письменным источникам церковное венчание на великое княжение (Савва. С. 142-143), которое придало этому словосочетанию больший вес. 4 февраля 1498 г. Иван III

венчал в Успенском соборе Московского Кремля своего внука Дмитрия Ивановича, сына своего сына от первой жены Марии Борисовны Тверской, умершего в 1490 году при загадочных обстоятельствах (Зимин. 1982. С. 55 - 109).

Сохранился чин (описание) этого действия, имевшего много общего с церемонией венчания, как она сложилась в Византии в VII-XII веках (Барсов. С. IX-XI, 6 - 7; Попов. С. 185; Острогорский). В это время в Византии вместо обычая поднятия императора, избранного сенатом, войском и народом, на щите (как это было с 360 года до середины V века) его венчал патриарх, причем с середины VII века церемония проходила в церкви. Русская же церемония венчания ориентировалась не на обряд коронования императора, но на обряд коронования его сына-наследника (Лопарев. С. 1 - 12; Идея Рима... С. 67 - 77).

В середине храма было поставлено "место", на котором раньше ставили "святителей", его задрапировали бело-золотой драгоценной тканью (аксамитом). При входе великого князя с внуком в церковь их встретил митрополит. После молебна Пречистой Богородице и Петру-чудотворцу великий князь объявил свою волю: в соответствии с обычаями он-де благословил своего сына Ивана, а теперь благословляет его сына на Великое княжение Владимирское, Московское, Тверское и Новгородское (Ср.: Савва. С. 120 - 128; Nitsche. 1972. S. 132 - 141; Назаров. 1991. С. 810 - 811) и просит сделать то же самое митрополита. Тот прочитал молитву "Царь царствующим и Господь господствующим" и передал великому князю бармы (наплечное украшение), которые последний сам в полном соответствии с византийским ритуалом - правда, там это были хламида и стеммы (Барсов. С. 25 - 26; Острогорский. С. 33 - 38) - и возложил на Дмитрия. После чтения молитвы "Тебе единому царю веком, иже земное царство тобою вверенъи" та же процедура была повторена и с шапкой. Вслед за многолетием обоим великим князьям и поздравлениями от митрополита, архиепископов и дядей нового великого князя - Юрия и Дмитрия митрополит и Иван III прочитали наставление Дмитрию-внуку: "Имей страх Божий в сердцах, имей послушание во всем своему государю и деду к великому князю, и люби правду и милость, суд прав и имей попечение... о всем православном хрестьянстве" Процедура кончилась литургией, затем

Дмитрий-внук в шапке и бармах совершил обход кремлевских соборов, в соборе Михаила Архангела он "знаменовался у крестов родительских". По дороге князь Юрий неоднократно обсыпал его серебряными и золотыми деньгами.

Этот обычай, который соблюдался вплоть до венчания на царство Петра I в 1682 году, тоже восходит к Византии, однако более раннего времени – IV – V веков. Тогда важной частью церемонии было поднятие новоизбранного императора на щит и возложение на него шейного обруча начальником гвардейского отряда, который потом раздавал воинам деньги (Острогорский. С. 33). На Руси этот обычай трансформировался. Ритуал венчания продемонстрировал не только верность византийской традиции, но и полную независимость государя всея Руси от Орды в передаче княжеской власти по наследству. Ордынского посла даже не было на этой церемонии.

Таким образом, в процедуре венчания были соединены все три части византийской церемонии: Иван III провозгласил внука своим наследником, митрополит прочитал молитвы, те же, что и при венчании наследника византийского императора, дважды были поздравления – в церкви перед литургией и на Соборной площади во время обхода кремлевских храмов. Однако взятый за образец византийский порядок был несколько изменен. Не было – или не указано в чине венчания – миропомазания, не было вручения скипетра, о котором говорилось и в молитве "Царь царствующим" ("дай в деснице его скипетр царствия"). Неясно, были ли одеты в пурпурные одежды (красновато-фиолетового цвета) по византийскому обычаю Иван III и Дмитрий-внук (Schwarzenberg. S. 125).

В ходе венчания в первом же приветствии при появлении в храме митрополит назвал Ивана III самодержцем (Идея Рима... С. 68). Да и сама процедура венчания была на Руси, как и в Византии, "своего рода рукоположением" и "наделила великого князя особым духовным качеством" (Острогорский. С. 36). В результате незаметно для окружающих из "государя всея Руси и великого князя" Иван III превратился в самодержца, подобного византийским императорам-автократам.

Мы подробно остановились на венчании Дмитрия-внука потому, что после него в течение четырех столетий именно в московском Успенском храме происходило венчание

великих князей, царей и императоров, хотя процедура самого венчания подвергалась изменениям и дополнениям.

В 1498 году в чине венчания в качестве регалий названы шапка и бармы, драгоценное оплечье на торжественной княжеской одежде, часто со священными изображениями. Миниатюрист Лицевого свода на бармах Дмитрия-внука изобразил Иисуса Христа, Богородицу и других священных персонажей. Таким образом, в отличие от рязанских барм бармы Дмитрия-внука имели ярко выраженный "клерикальный" характер изображений. Оба предмета в завещаниях великих князей встречались и раньше, со времен Ивана Колиты. Но тогда - в первой четверти XIV века - им не придавалось значения освященных церковью княжеских регалий. И шапку, и одеяния с бармами великие князья просто передавали своим наследникам (Иван Колита - сыновьям Ивану и Андрею, Василий II - Ивану III) наряду с землями, городами, селами, блюдами, драгоценными поясами и другими "портами" (одеждой). Иное дело 1498 год: оба эти предмета были внесены в церковь, накрыты куском ткани - "ширинкой" на аналое, где место обычно только Евангелию да кресту, освящены во время молебна Богородице и Петру-чудотворцу.

Стоит сказать о происхождении слова "бармы". Само слово по одной из версий относится либо к древнескандинавскому "brem", либо к старопольскому "brama" и означает женское украшение на ногах, руках или на голове.

Возможно, это слово пришло из Скандинавии не прямым путем, но, погостив сперва у западных славян, и добралось до Москвы не с севера, а с запала. Против данной гипотезы говорят, однако, появление этого слова в польском языке только в 1493 году и значение его, отличное от скандинавского и русского. Более вероятно, что в русском слово "бармы" восходит к древнескандинавскому слову "край" и появились бармы на Руси вместе со скандинавскими выходцами (Isa*enko. S. 496). Известны бармы со светскими изображениями из рязанскогоклада XIII века (Корзухина). Только при Иване III на бармах стали помещать священные изображения.

Но вернемся к венчанию Дмитрия-внука. К титулам государя вся Руси и великого князя оно добавило новое определение, еще долго, в течение столетия, не входившее в титул официально - "самодержец". Однако и для ти-

тула * "государь", воспринимавшегося за западной границей Руси равнозначным титулам "король" или "император", внутри страны еще не существовало адекватной эмблемы. В европейской средневековой практике титулам "король" или "император" всегда соответствовала печать с изображением главы государства на троне с регалиями в руках. Русь не знала такой печати. Можно указать лишь печать с изображением Димитрия Солунского XII века да робкие попытки тверских князей воспользоваться печатью такого типа. Даже святые на иконах крайне редко изображались сидящими на тронах. Таким образом, традиции воплощения в геральдических или сфрагистических эмблемах титула короля или самодержца на Руси не существовало (Hellmann. S. 335; Anm. 49; Ostrogorski. 1935. S. 163).

В поисках соответствующей эмблемы, как и раньше, в начале XIII века, мог помочь зарубежный опыт. Если до монгольского нашествия знакомство с ним облегчали разные формы связей - и династические, и экономические, и культурные, - то к концу XV века были восстановлены лишь дипломатические и отчасти культурные связи. После объединения Северо-Восточной и Северо-Западной Руси здесь возникло одно из крупных государств Европы - государство всея Руси. Возникло, находясь еще и формально, и фактически под игом Большой Орды - последнего ханства, возникшего на развалинах Джучиева улуса XIII века. Лишь после неудачи похода хана Ахмата (Ахмеда) 1480 года, предпринятого ради восстановления зависимости Руси от Орды в полном объеме, как было при Батые, и

взимания "недоимков" по дани за несколько последних лет, страна была освобождена от иноземного ига (Базилевич; Алексеев; Назаров. 1983).

Однако иго оставило неизгладимый след не только в подорванной монгольскими нашествиями и походами экономике, не только в разрушенном городском быте (города восстанавливались медленно и трудно, как и различные ремесла), не только в демографических сдвигах, вызванных тем, что проживать на южной и восточной окраинах Руси было небезопасно, но и в психологии, менталитете населения. Монгольское иго не только закрепило старинные формы эксплуатации, такие, как холопство, оно подготовило все население страны, как свободное, так и несвободное, к превращению в "холопов" государя. У са-

мого же государя оно создало комплекс неполноценности, заставив крайне болезненно относиться к позиции глав соседних королевств и княжеств. Поэтому вопрос о внешнем оформлении в эмблеме титула "государь" был жизненно важным для Ивана III.

Объединив Новгород и Московское княжество, Иван III поставил перед собой огромную задачу – "воссоединения" всей Руси в масштабах Русской земли домонгольского времени. Термин "воссоединение" приходится ставить в кавычки, потому что на территории Древней Руси к концу XV века уже сложились или складывались новые народности – украинская и белорусская, которые значительно отличались от "Руси" ("русаков" или "русинов") XI века или своих соседей – русаков Северо-Восточной Руси. Программу объединения Руси под эгидой Москвы обнародовал новый титул Ивана III – титул государя всея Руси. Иван III не был первым, кто употреблял его. И Иван Колита, и Дмитрий Донской называли себя так, когда дело касалось отношений с Новгородом. Лишь Иван III, добившийся власти над Новгородом, ввел этот титул в постоянное употребление.

Новый титул был не только титулом, который констатировал уже достигнутые успехи, но и титулом "притязания". Иван III считал себя законным государем Подонка и Витебска, Киева и Смоленска, Чернигова и Волыни. Но они находились в составе Великого княжества Литовского и Короны Польской. В поисках союзников для борьбы с Ягеллонами, возглавившими это княжество наряду с Коронай Польской, Иван III обратился и в Молдавию, и в Венгрию, и в Священную Римскую империю. Бурные дипломатические переговоры о союзе, сопровождавшиеся также предложениями о заключении брака одной из великокняжеских дочерей с наследником Римской империи, привели Ивана III к знакомству с имперским дипломатическим протоколом.

При приемах имперских послов в Москве повторяли и воспроизводили принятый в империи порядок встреч и проводов иностранных дипломатов. Русские дипломаты навязчиво и упорно внушали иностранцам идею равенства великого князя и государя с императором Священной Римской империи. Только сын и наследник германского императора Максимилиана считался достойным женихом для дочери Ивана III. В ответ на предложение имперского посланца Н.

Поппеля в 1488 году о коронации великого князя императором русский дипломат Федор Курицын говорил от имени Ивана III: "Мы Божию милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога... а поставления, как семя наперед того не хотели ни от кого, так и ныне не хотим" (ПДС. Т. 1. Стб. 12). То же повторил и другой дипломат – Юрий Траханиот в 1489 году, ссылавшийся на "приятельство и любовь" "прародителей" великого князя с "передними римскими цари" (ПДС. Т. 1. Стб. 17).

Утверждая идею равенства великого князя и немецкого императора, русские политики не могли пройти мимо имперской государственной эмблемы. Опыт ее оформления в империи оказался бесполезным для Ивана III. Имперская печать Фридриха III, принятая им 5 июля 1442 г., содержала на лицевой стороне изображение императора на троне с регалиями, а на оборотной – двуглавого орла. Круговая надпись на лицевой стороне воспроизводит его титул, а на оборотной – дано обоснование выбора именно орла, посланного с неба Иезекиилом и летающего так далеко, как не могут ни провидцы, ни пророки (Posse. Bd. 11. Tabl. 25. No I – 2).

Знакомство с практикой оформления печати императора Священной Римской империи могло послужить толчком для использования русскими геральдистами этой фантастической птицы на печати Ивана III. Мысль о роли имперского опыта и дипломатических контактов с империей для создания русской государственной эмблемы была высказана К. Поповым в 1896 году (он писал о "римском двуглавом орле") (Попов. С. 17) и сравнительно недавно, в 1966 году, подробно обоснована американским историком Г. Алефом (Alef). Большинство же ученых предшествующего времени придерживалось иной точки зрения.

Начиная с XVIII века, со времен одного из первых классиков русской исторической науки – Василия Никитича Татищева и его немецких современников (Татищев. С. 370; Nifsche. 1991–2. S. 141), в науке бродила идея, будто появление двуглавого орла есть следствие женитьбы Ивана III на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XII Драгаза, дочери деспота Морен (юго-западной греческой провинции) Фомы Палеолога. Она-де принесла на Русь византийские обычаи оформ-

ления верховной власти, а также византийский герб с двуглавым орлом.

Историки XVIII столетия строго следовали легендам позднего средневековья, согласно которым русские государи были единственными преемниками Византийской православной империи. Двуглавый же орел во второй половине XVI века считался эмблемой византийских императоров. Так, в житии Сергия Радонежского изображение орла помещено над балдахином трона императора Андроника, в правление которого появился на свет будущий святой (Арциховский. 1944. С. 195).

Гипотезу о решающей роли Софьи Палеолог в принятии двуглавого орла как государственной эмблемы Руси поддерживают и развивают многие отечественные и зарубежные исследователи, историки и сфрагисты – Г. Острогорский, Х. Шэдер, Е.И. Каменцева и П-В. Устюгов (Ostrogorski. 1952. S. 454; Schaefer. S. 5; Каменцева, Устюгов. С. 122).

Между тем сомнения относительно высокой роли Софьи Палеолог высказывались еще в начале XX века (Смей. С. 23 – 25 и др.), в том числе и Н.П. Лихачевым, обнаружившим двуглавого орла на византийских печатях. "Если будет доказано положение, – писал он, – что Византия (так же как и Римская империя) не знала государственной печати и на печатях императоров не помещала геральдического двуглавого орла, станет очевидно, что московское правительство не могло заимствовать из Византии то, чего та не имела". О самой же византийской печати он писал, что ее "нельзя признать государственной печатью в том смысле, как мы понимаем это в настоящее время. На ней не было никакой отличительной государственной эмблемы. Это была как-никак печать монарха, а не Византийской монархии при том или другом императоре" (Лихачев. 1911. С. 1, 43).

Вопрос о роли Софьи Палеолог в принятии новой государственной эмблемы на Руси не может быть решен вне хронологического контекста. Первый сохранившийся экземпляр печати датирован, как мы помним, июлем 1497 года. Особенности титулатуры, помещенной на ней, указывают на время после 14 марта 1484 г., когда в титуле Ивана III впервые были употреблены слова "Божиею милостию". Если предположить, что легенда (т.е. надпись) и

изображение созданы одновременно, то следует думать, что печать была создана именно в этот промежуток времени – между 1484 и 1497 годами, по Н.П. Лихачеву и В. К. Лукомскому – в 1489 году.

Какими же были эти 13 лет внутривосточной жизни страны? Каково в то время было положение Софьи Палеолог? Чтобы понять это, нужно познакомиться с составом семьи Ивана III. Его первая жена, Мария Борисовна Тверская, умерла, оставив сына Ивана Ивановича Молодого. В 1482 году он женится на дочери валашского воеводы Стефана Великого, и на следующий год рождается мальчик – Дмитрий Иванович Молодой. С 1485 года Иван Молодой выступает соправителем отца и получает только что присоединенную Тверь. Во время крещения его сына Дмитрия выясняется, что Софья Палеолог самостоятельно распорядилась наследством Марии Борисовны и передала его своей племяннице, вышедшей замуж за князя Верейского. С этого момента начинается очевидное охлаждение Ивана III к своей супруге и благоволение к невестке. И то, и другое усиливается после смерти Ивана Ивановича в 1490 году. Ведь именно в окружении Софьи был тот иностранный лекарь, которому вменяли в вину преждевременную гибель Ивана Молодого.

Логический исход ситуации был таков: Иван III отдал предпочтение в 1498 году внуку Дмитрию перед сыном от Софьи Палеолог Василием. Внуку было уже 14 лет – этот возраст на Руси того времени считался порогом совершеннолетия. Сын был несколько старше, он достиг уже 19 лет.

Иван III при своем выборе не только строго следовал установившемуся после монгольского нашествия порядку по нисходящей линии, но и продемонстрировал стремление к союзническим отношениям со Стефаном Великим, готовясь к очередной войне с Литовским княжеством.

Все эти конкретные обстоятельства семейных взаимоотношений Ивана III дают дополнительные основания для того, чтобы сомневаться в определяющей роли Софьи Палеолог в выборе новой государственной эмблемы.

Еще больше сомнений рождается при знакомстве с историей самой этой эмблемы.

Двуглавый орел – один из древнейших символов. Он происходит из стран Древнего Востока и известен по ци-

линдрическим печатям Халдеи (в Южной Месопотамии) VI века до н.э., барельефам IV–III веков до н.э. в Каппадокии (Центральной Турции) (Sayce. P. 5; ь 1; Кондаков. 1929. С. 1 16–1 17). В VI веке этот символ проник в Сасанидское государство, а в XI веке двуглавый орел становится элементом восточного орнамента, в особенности на тканях. В XIV веке двуглавый орел встречается на медных монетах (сравнительно немногочисленных) золотоорднского хана Джанибека (1341–1357), однако государственным гербом в государстве Джучидов, наследников Батыея, двуглавый орел не стал (Фасмер Р, Лавренов. 1992).

Со времени крестовых походов двуглавый орел распространяется и по Европе, причем используется первоначально на печатях территориальных княжеств и имперских городов. На печати 1 180 года графа Людвига фон Саарвердена представлен двуглавый орел (Кот. S. 337; Коте-тапп. S. 45 – 69).

Двуглавая Птица по манускрипту Казвини начала XIII в.
(прорись по В. И. Лавреневу)

Двуглавый орел
на монетах хана Джанибека XIV в.
(прорись по В. И. Лавреневу)

Со времен Штауфенов (германских императоров и королей Священной Римской империи 1 138 – 1254 годов, а в 1197 – 1268 годах и сицилийских королей) двуглавый орел стал королевским гербом. Он присутствует на золотых монетах Фридриха II Барбароссы, сицилийских монетах, распространившись по всему христианскому миру.

Спорадически двуглавый орел употреблялся на печатях Людвига Баварского, более регулярно – короля Венцеля Люксембургской династии, а при Сигизмунде стал геральдической птицей (Korn). В конце XIII века мы видим его на монетах Палермо, Нидерландов и Савойи, в XIV веке – на монетах Бертрана III Красивого во Франции, монетах архиепископов Кельна, Майнца, Трира, монете города Фридберга, секретных печатях чешского короля Вацлава IV (1378 – 1419) (Dolger S. 506; Hellтапп. S. 334).

Двуглавый орел был эмблемой не только светской власти. В XIII веке он выступал и символом Бога-отца: двуглавый орел с распростертыми крыльями, но головами вниз изображен в этом качестве на алтаре церкви Од дер около Орхуса, построенной в 1225 – 1230 годах.

В пределах Византийской империи двуглавый орел тоже выступал в качестве как светской, так и религиозной эмблемы (Solovjev. 1935. P. 137 – 153). Он был помещен на патриаршем знамени и знамени Патмосского монастыря XII века. Как светский символ он употреблялся императорами Латинской империи. Так, монеты Маргариты Фландрской 1240 – 1280 годов имели изображение двуглавого орла. На византийских же монетах его не было, как не было и на печатях. На первых видим либо изображение императора, восседающего на троне, либо его бюст с регалиями, подобный тому, что знаком по древнейшим русским печатям. К обычным для всего христианского мира регалиям – скипетру и державе – в конце XII века прибавилась акакия – мешочек с золой, врученный византийским императорам при короновании как символ тленности всего земного (Dolger).

При последних Комнинах, династия которых правила в Византии в 1081 – 1185 годах, двуглавый орел превратился в отличительный признак принадлежности к императорскому двору; одежда с двуглавым орлом стала свидетельством высшего положения в византийской иерархии (Hellтапп. S. 333). Однако гербом он не стал ни в комниновское, ни в палеологовское время (1261 – 1453). На печатях Византии двуглавый орел так никогда и не использовался. С 1327 года там утвердился иной герб – с четырьмя буквами В между концами креста (Basileus). На печатях палеологовского времени – образ императора, иногда

с нимбом, а со времен первого императора из династии Палеологов Михаила VIII – с благословляющей с небес рукой. Правда, при последних Палеологах двуглавый орел встречается иногда на миниатюрах, при этом в различной иконографии: при Иоанне VIII (1425 – 1448) орел был увенчан одной короной, а при Мануиле II (1391 – 1425) – двумя (Belting. Ко 35 – 36). На одной из миниатюр над Дмитрием Палеологом был изображен золотой орел под тремя коронами на красном фоне (Лихачева. С. 58). Двуглавый орел украшал и трон византийского императора Андроника III Палеолога из жития Сергия Радонежского второй половины XVI века (Георгиевский. 1933. Табл. 6).

В отличие от Византии, во многих южнославянских и соседних с ними странах (Сербии, Болгарии, Черногории, а также Албании и Румынии) двуглавый орел служил именно гербом (Solovjev. 1935; 1958). Двуглавый орел встречается здесь и на монетах, в частности на монетах болгарского царя Михаила Шишмана (Ratto. Tab. LXV. ь 2571 – 2573; Tab. LXVn. No 2678). Гербом он был, по-видимому, и в Морейском деспотате. Имелся двуглавый орел и на монетах трапезундских императоров Алексея III (1349 – 1390) и Мануила III (1390 – 1416) (Retowski. С. 283. ь 48; С. 289. ь 28. Табл. XV. ь 12; Соколова.

С. 75), несомненно, обнаруживающих восточное влияние (Фасмер Р. С. 1 12), и в декоративном оформлении официальных строительных надписей 1425 и 1427 годов на юго-западе Крыма в пределах Мангупского княжества (Феодоро) на сооружениях, воздвигнутых правителем этого княжества Алексеем (Малицкии. Рис. 8 – 10. С. 26 – 35). Последний был в родственных отношениях с правителем Трапезунда из династии Великих Комнинов, Кантакузинами и Палеологами, а также в свойстве с господарем Молдавии, ибо женой Стефана Великого была Мария Мангупская (Молчание. 1988. С. 289).

Распространение двуглавого орла в этих странах понятно. Краины византийского мира, стремясь утвердить свою независимость от Византийской империи, использовали такие эмблемы, которые были чужды самой Византии.

Таким образом, путь распространения этой эмблемы довольно причудлив: Восток – Центральная и Западная Европа – краины византийского мира – Золотая Орда – сама Византийская империя, на которую воздействовал опыт и

восточный, и западный.

Широкое распространение двуглавого орла в качестве ли государственной эмблемы или как символа причастности к власти предоставило исследователям не менее широкое поле для догадок о месте происхождения русского двуглавого орла. О двух теориях мы уже рассказали. Можно добавить еще две. В начале нашего столетия на основе использования образа двуглавого орла на ордынских монетах хана Джанибека (1341 – 1357) была выдвинута идея о воздействии ордынской эмблематики на русскую (Фасмер Р. С. 111). Сама по себе эта идея небеспочвенна. Наименования некоторых единиц, русской денежной системы, заимствованные из Орды, свидетельствуют о хорошем знакомстве русских с монетами, чеканенными там. Речь идет о терминах "алтын" (от тюркского слова "шесть") и "пула" (1/6 основного медного номинала и собирательное – деньги вообще). Однако большой временной разрыв между орлом монет Джанибека и двуглавым орлом русских монет и печатей, стилистическое отличие ордынских и русских образов этой фантастической птицы не позволяют согласиться с этим предположением (Лавренов. 1992). Кроме того, на пути усвоения двуглавого орла из Орды должны были стоять и психологические препятствия: эмблема угнетателей не могла стать государственной эмблемой угнетенных.

Родовой герб Палеологов
(прорисовка по В. И. Лавреневу)
и Мангупский орел

Некоторое время казалась более правдоподобной другая гипотеза, будто введение двуглавого орла означало заимствование Русью южнославянского опыта (Хорошкевич. 1973; Соболева. 1976-1; Соболева, Артамонов). В пользу этой гипотезы говорят и временная, и географическая близость, и довольно тесные связи Руси со странами византийского мира. Но прежде чем окончательно решиться на поддержку этой версии, следует обратиться к

сведениям о распространении образа двуглавого орла в прикладном искусстве и в особенности на монетах и печатях самой Руси.

Этот образ рано проник в прикладное искусство Руси. Так, на декоративной плитке XII – XIII веков из Василева (Северная Буковина на Днестре) видим двуглавого орла с распростертыми крыльями (Тимошук. С. 112 – 113; Гончаров. С. 388). Изображен двуглавый орел на тверских монетах начала XV века (Рубцов М-В. С. 196 – 197, 308; Орешников. 1896. С. 52. No 321. Табл. IV-181), терракотовых изразцах того же времени, найденных у Нижнего рынка города Минска (Штыхов, Заяц, Поздняк. С. 388). Василевский тип двуглавого орла по форме вполне соответствует той разновидности, которая изображена на печати Ивана III в конце XV века. Трудно, однако, думать о непосредственной связи этих двух изображений. В качестве прототипа орла печати 1497 года американский исследователь Г. Алеф называет другую, более близкую аналогию – мозаику одной из церквей в г. Мистре (Морея), на которой двуглавый орел увенчан тремя коронами. Возможно, полагает он, Софья Палеолог, сама происходившая из Морен, привезла с собой на Русь какой-либо предмет с эмблемой, которая и была использована Иваном III 20-ю годами позднее (Alef. P. 13).

Возможен и другой вариант (на нем настаивает немецкий ученый М. Хелльманн): двуглавый орел был непосредственно заимствован из Священной Римской империи (Helltaup. S. 332 – 338). Однако оба объяснения исключают факт заимствования русского герба из самой Византийской империи. Повторим, что Палеологи не употребляли эту эмблему как геральдическую, для них она была признаком принадлежности к высшей знати (Alef. P. 13). В этом убеждает и пространная надпись на печати Фридриха III. Будь двуглавый орел уже императорской геральдической эмблемой или государственной печатью в Византии, такое длинное объяснение не потребовалось бы. Добавим, что в современной сфрагистической литературе идея Алефа – Хелльманна становится общепризнанной (Nitsche. 1991-1, 2; Соболева. 1981; 1991).

Нельзя не упомянуть и еще об одной возможности заимствования Москвой этого символа власти не непосредственно, а через Тверь (Базилевич. С. 88). В Тверском

княжестве, энергично и быстро усваивавшем и европейские, и византийские традиции, рано создавшем собственные историко-государственные легенды (в частности, в Твери сложился протограф – первоначальный текст *'Сказания о князьях владимирских', ставший впоследствии официозом внешней политики в Москве), двуглавый орел проник на печати Михаила Борисовича, княжившего в 1461 – 1486 годах. На лицевой стороне был изображен двуглавый орел, на обороте расположена строчная надпись "ПЧТ//КНЗА В//ЛКОГ М//...ХАІЛА". На его же монетах впервые возникло сочетание изображений всадника и птицы, правда, еще одноглавой, в профиль и "летающей вправо", т.е. уже хорошо знакомого одноглавого орла (Орешников. 1896. С. 43, 52 – 53, 255, 321. Табл. IV-181; III-124).

Русские нумизматы, в том числе А. В. Орешников, исследовавшие эти монеты, не устанавливали их происхождения и связи с печатями Ивана III. Иное дело – еще одна монета Михаила Борисовича с двуглавым орлом и "четвероногим вправо". По поводу данной монеты А.В. Орешников заметил, что это подражание Ивану III, начавшему употреблять двуглавого орла после 1473 года, т.е. после женитьбы на Софье Палеолог (Орешников. 1896. С. 53).

Орел на монете тверского князя
Михаила Борисовича XV в.

Ко времени Василия II Московского (1425 – 1462) тот же А. В. Орешников относил чеканку в Москве мелкой медной монеты – пула со строчной надписью:

"поул/о/моск/овьск/ое" на оборотной стороне и одноглавым коронованным орлом, смотрящим прямо, с распушенными крыльями – на лицевой. Изображение орла походит на такое же на печати 1497 года, где, впрочем, орел имел две головы. Новейший исследователь этих монет П.Г. Гайдуков склоняется к более поздней датировке этого пула –

60 - 80-м годам и даже второй половине этого двадцатилетия (Орешников. 1896. С. 118. ь 638; Гайдуков. 1993. С. 60 - 61, 202. ь 401).

К какому бы времени ни приурочивать чеканку этого московского пула, самый образ орла представляется переходным от профильного типа собирающейся взлететь птицы середины XV века к двуглавному орлу, смотрящему прямо, с распростертыми крыльями на печати 1497 года. Чеканка, хотя и кратковременная (судя по незначительному количеству подобных экземпляров), указывает на то,

что принятие двуглавого орла в качестве государственного герба не было единовременным актом, который можно было бы связать либо с женитьбой Ивана III на Софье Палеолог, либо с установлением дипломатических отношений Русского государства со Священной Римской империей. Это был долгий процесс, в ходе которого осваивался опыт геральдистов различных стран, а образ царственной птицы приобретал черты, близкие современной моде.

Пула новгородские и псковские (прорись по П. Г. Гайдукову)

Итак, гипотез и предположений хватает. Думается, их изобилие соответствует действительности. Все соседние с Русью государства, переживавшие процесс строительства национальных или наднациональных политических образований или просто стремившиеся к созданию таковых, спешно обзаводились новыми символами, емкими настолько, чтобы выразить идею этих образований. В качестве одного из главных символов широко использовался образ двуглавого орла - достаточно традиционный символ силы (известный уже в Библии) и достаточно ирреальный, чтобы не быть заземленным.

И в конечном итоге не так существенно, каким ветром занесло двуглавого орла на Русь Ивана III - западным юго-западным, с остановкой в Твери, Морее, Крыму или без нее, важно другое: в оформлении своей государственной символики Русь пользовалась тем изображением, которое наилучшим образом в тот период выражало идею ее го-

сударственности.

Однако двуглавый орел в момент своего проникновения на Русь в качестве государственной эмблемы не занял того места, какое он получил позднее. На печати 1497 года орел помещен лишь на оборотной ее стороне. А на лицевой стороне располагался всадник – эмблема московских князей, правда, в несколько иной позе, чем раньше. Поза всадника чрезвычайно выразительна. В высоко поднятой правой руке, которая разрывает нижний обод надписи, он держит копьё (вспомним, что на печатях XIII века, в том числе и Александра Невского, всадник был вооружен мечом) и им поражает дракона, извивающегося под ногами у коня. Эта поза воспроизводилась на печатях русских государей вплоть до начала XVII века. Во время денежной реформы 1535 – 1538 годов она стала использоваться и на деньгах: "...Князь велики на коне, а имея копьё в руне, и о*оле прозвашеся денги копейные" (ПЕРЛ. Т. IV. Ч. 1. Выл. 3. Л., 1929. С. 570 – 571). Однако на московках-так называемых "сабляницах" по-прежнему, как и в XV – начале XVI века, всадник был вооружен саблей или мечом, подобно изображениям на печатях XIII века. Саблю имели в руке и всадники на монетах ярославского князя Александра Федоровича, княжившего до 1471 года (Мен 1960 С. 135).

Если на печатях 1497 года двуглавый орел занимает, можно сказать, второстепенное положение, то на медных деньгах – пулах господствует безраздельно или почти безраздельно. Пула Москвы, Твери, Новгорода и Пскова конца XV века, когда, по Л. Г. Гайдукову, началось целенаправленное созидание общерусской денежной системы (Гайдуков. 1984), представляют именно двуглавого орла. На всех этих пулах он в позе, ставшей геральдической классикой, – фронтально к зрителю с распростертыми крыльями и коронами на головах (Гайдуков. 1993. С. 193, 203, 209, 211).

Итак, триумфальное шествие двуглавого орла по Руси и России датируется концом XV века. Нам, далеким потомкам тех, кто впервые познакомился с этой государственной эмблемой и кто ее вводил, конечно, хотелось бы спросить у них: какой смысл вкладывали тогда в эту фантастическую птицу, кроме претензии на равноправие с императорским домом Европы? Подразумевало ли дву- главие уже сос-

тоявшееся объединение Москвы и Новгорода или стремление к дальнейшему объединению различных территорий, носивших название Руси – Северо-Восточной, Западной и Юго-Западной, единение севера и юга, России и Византии? Последнее – это гипотеза И. Снегирева (Снегирев. С. 1 – 2). Или это был символ одновременности прааления двух государей – Ивана III и Ивана Ивановича Молодого? Европейская история знала примеры аналогичных претензий и притязаний (Соболева. 1976–1. С. 143; Roter-Buchner. S. 48, 58), но имели ли они место в русской истории? Или все вышеизложенное – лишь беспочвенные фантазии ума, обремененного сведениями о всемирной истории? Трудно сказать...

Одно можно утверждать с полной определенностью. Идеологи русской государственности конца XV века свободно кроили геральдическое платье, достойное своего " короля", из воздуха, которым дышали все их соседи, и из идей, которые витали в этом воздухе. Эпоха создания государств Нового времени рождала символику, уходившую своими корнями в прошлое, ею и воспользовались русские государи.

Их выбор оказался достаточно удачен. Почти полутысячелетняя история "жизни" орла на великокняжеской, царской, императорской и республиканской почве – веское тому доказательство.

Четырехсотлетний юбилей русского государственного герба был торжественно отпразднован в XIX веке. Мы стоим уже накануне его 500-летия. За это время его форма и смысл менялись неоднократно, но идею государственности России орел выражал исправно, хотя и с вынужденным перерывом.